

ЛЮДИ

Прекрасная,
жизнеутверждающая книга.

Prima

с платформой

Чудесно
теплый, приятный роман
о силе дружбы.

Cosmopolitan

№ 5

КЛЭР ПУЛИ

От автора международного бестселлера «Правдивая история»,
переведенного на 29 языков!

Клэр Пули

Люди с платформы № 5

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пули К.

Люди с платформы № 5 / К. Пули — «Азбука-Аттикус», 2022

ISBN 978-5-389-22159-8

Каждый день Айона ездит на работу на поезде в одном и том же вагоне. И каждый день она видит одних и тех же людей, мысленно представляет, как они живут, какие события происходят в их жизни, и даже придумывает им прозвища. Как опытный пассажир, она знает неписаное правило: никто никогда не разговаривает с незнакомцами в поезде. Но что было бы, если бы она это сделала? В какие приключения могли бы вовлечь ее подобные разговоры? Однажды утром один пассажир подавился виноградом прямо на глазах у Айоны. Санджей, медбрат, приходит на помощь и спасает ему жизнь. И это событие вызывает цепную реакцию. Самые разные люди, у которых практически нет ничего общего, кроме поездок на работу, начинают общаться и даже становятся друзьями. А когда жизнь Айоны рушится, ее новые друзья оказываются рядом. «Люди с платформы № 5» – замечательный роман, наполненный радостью, мудростью, теплом и любовью.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22159-8

© Пули К., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Айона	6
Пирс	9
Санджей	11
Эмми	14
Айона	16
Санджей	20
Марта	22
Айона	24
Пирс	28
Айона	32
Санджей	34
Эмми	38
Айона	41
Марта	44
Пирс	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Клэр Пули

Люди с платформы № 5

Clare Pooley

THE PEOPLE ON PLATFORM 5

Copyright © Quilson Ltd 2022

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency
LLC

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© И. Б. Иванов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

От автора международного бестселлера «Правдивая история», переведенного на 29 языков!

Прекрасная, жизнеутверждающая книга.

Prima

Чудесно теплый, приятный роман о силе дружбы.

Cosmopolitan

В этой книге затрагивается так много интересных тем, и все это с характерным для Клэр юмором, прекрасным стилем и яркими, симпатичными персонажами.

Софи Касенс, автор бестселлера «Через год в это же время»

Поднимающий настроение... дающий надежду на будущее.

Woman&Home

* * *

Моей дочери Элайзе.

Желаю тебе всегда быть в большей степени Айоной

Поезда удивительны. Путешествовать на поезде – значит видеть природу и людей, города, церкви и реки – то есть по большому счету видеть жизнь.

Агата Кристи

Айона

08:05. Хэмптон-Корт – Ватерлоо

До тех пор, пока в восьмичасовом утреннем поезде прямо на глазах у Айоны не начал умирать мужчина, этот ее день был как две капли воды похож на все остальные.

Она всегда выходила из дома в половине восьмого. На обычных каблуках добиралась до станции минут за двадцать. Таким образом, до отправления пригородного поезда на Ватерлоо у нее в запасе оставалось четверть часа. Если же Айона надевала туфли на шпильках, то время ее пешего перемещения увеличивалось на пару минут.

Заблаговременный приход на станцию был предельно важен, если она хотела занять свое привычное место в третьем вагоне, что Айона только что и сделала. Новизна прекрасна в моде, в кино и даже в кондитерских деликатесах, но только не в ежедневных поездках на службу.

Не так давно главный редактор их журнала предложил Айоне начать работать удаленно. По его словам, это стало чертовски популярно и она вполне может трудиться, сидя дома. Он пытался выдать ее из офисного пространства, соблазняя возможностью лишнего часа поваляться в постели и более гибко управлять своим временем. Когда этот трюк не удался, он нашел еще более жуткий способ, лишив Айону постоянного места в офисе. На редакционном сленге это называлось «горячими столами»¹, а по сути представляло собой не что иное, как заурядную дележку. Делиться чем-либо с другими Айона не любила даже в детстве. Маленькое происшествие с куклой Барби крепко запечатлелось в ее памяти и, несомненно, в памяти ее одноклассников тоже. Нет, этой женщине были необходимы границы личного пространства. К счастью, коллеги Айоны быстро узнали, какой именно стол она предпочитает, и он из горячего превратился в достаточно холодный.

Айона любила офисную жизнь. Она с удовольствием общалась в редакции со своими коллегами помладше. Те знакомили ее с новейшими разновидностями молодежного жаргона, давали послушать свою любимую музыку и рассказывали о том, что стоит посмотреть на «Нет-фликсе». Айоне было важно держать хотя бы один палец на пульсе времени. На Би – да хранит ее Господь! – теперь надеяться не приходилось.

Однако сегодня Айона не особо стремилась на работу. Главный редактор журнала запланировал провести нынче всестороннюю аттестацию сотрудников. И она почувствовала себя слишком уязвимой. В таком возрасте, а ей уже исполнилось пятьдесят семь, не каждому понравится, когда тебя оценивают слишком пристально, рассматривая под разными углами. Некоторые аспекты лучше оставить воображению, а если честно, то и совсем не затрагивать.

И потом, что этот тип вообще знает? Подобно полицейским и врачам, редакторы в их журнале год от года становились все моложе. Нынешний – даже трудно поверить – появился на свет уже после создания Всемирной Паутины. Он не представлял, что телефоны когда-то висели на стене, а для проверки фактов люди обращались к Британской энциклопедии.

Айона с налетом грусти вспоминала, как проходили аттестации в былые времена, когда она еще только начала работать в журнале. Это было почти тридцать лет тому назад. Даже самого слова «аттестация» в редакционном лексиконе тогда не существовало. Сотрудники устраивали «ланч», собираясь в ресторане «Савой-гриль». Единственным минусом была необходимость вежливо снимать со своего бедра толстую потную руку главного редактора, который так и норовил потрогать молодую женщину под столом. Но Айона прекрасно умела это делать, а неудобство, доставляемое ей, с лихвой компенсировалось сочным голавлем, мякотью которого услужливый официант, говоривший с французским акцентом, ловко отделял от костей, и

¹ Система распределения рабочих мест в офисе, когда столы не закрепляются за сотрудниками на постоянной основе, а каждый занимает тот стол, который в данное время свободен. – *Здесь и далее примеч. перев.*

бутылкой охлажденного шабли. Она стала вспоминать, когда в последний раз кто-то, за исключением Би, попытался лапать ее под столом, и не смогла. С начала девяностых эти поползновения прекратились.

Перед выходом из дома Айона взглянула на себя в зеркало, висевшее в прихожей. Сегодня она нарядилась в свой любимый красный костюм – тот самый, что недвусмысленно заявлял: «Я не шучу» и «Даже не думайте об этом, мистер».

– Лулу! – крикнула она, обнаружив, что французская бульдожица сидит возле ее ног, готовая к выходу.

Еще одно создание, ценящее привычки и устоявшиеся традиции. Айона наклонилась, прицепив поводок к ярко-розовому ошейнику. На ошейнике красовалась брошь из искусственного бриллианта, где было выгравировано имя собаки. Би не одобряла аксессуаров Лулу. «Дорогая, это же пес, а не ребенок», – постоянно говорила она, хотя Айона и сама прекрасно знала разницу. По мнению Айоны, нынешние дети были весьма эгоистичны, ленивы и заносчивы, чем разительно отличались от ее дражайшей Лулу.

Открыв входную дверь, Айона обернулась к лестнице и крикнула, как всегда:

– Бай-бай, Би! Я поехала на работу. Я буду по тебе скучать!

Как место посадки в поезд станция Хэмптон-Корт имела определенные преимущества. Здесь был самый конец линии. Или же ее начало. Все зависело от того, в каком направлении ехать.

«Жизнь преподносит нам урок, – думала Айона. По ее собственному опыту, большинство концов оказывались замаскированными началами. – Надо будет написать об этом в колонке, которую я веду».

Если прийти пораньше, застанешь поезд еще сравнительно пустым. Это означало, что Айона могла сесть в свой любимый третий вагон и занять свое любимое место в седьмом ряду, справа, за столиком, лицом по ходу поезда. Она всегда предпочитала нечетные цифры четным. Ей не нравилось все слишком круглое и удобное.

Айона уселась, посадив Лулу на соседнее место, и принялась расставлять на столике необходимые предметы: термос с зеленым чаем, богатым антиоксидантами, замедляющими старение; фарфоровую чашку и такое же блюдо, поскольку пить чай из пластиковых чашек было для нее немыслимо в любых обстоятельствах. Затем она достала почту, которую утром вынула из ящика, и айпад. От вокзала Ватерлоо ее отделяли десять станций, и за тридцать шесть минут пути она великолепно успевала подготовиться к рабочему дню.

После каждой остановки в вагоне становилось все болеелюдно, но Айона продолжала успешно трудиться в своем маленьком пузыре, никем не узнаваемая и смешавшаяся с общей массой. Одна из тысяч типичных пассажирок пригородных поездов, на которую никто не обратит ни малейшего внимания. Естественно, никто и не заговорит ни с нею, ни с кем-либо из попутчиков. Это исключено. Каждый знал Второе правило проезда в пригородных поездах: «Вы можете кому-то кивнуть, если видели этих людей достаточно часто, и даже – в самом крайнем случае – обменяться иронической улыбкой или закатить глаза, выслушав объявление по вагонной трансляции. Но вы никогда не станете ни с кем заговаривать, если только вы не чокнутый». А Айона, что бы о ней ни говорили, чокнутой не была.

Непривычный шум заставил ее поднять голову. Она узнала мужчину, сидевшего напротив. По утрам она его почти не видела, зато часто встречала на обратном пути, садясь в Ватерлоо на поезд в 18:17. Айона давно заметила, что мужчина этот всегда был одет с иголочки. При иных обстоятельствах это вызвало бы у нее восхищение, но впечатление изрядно портила его заносчивость. Такое может проявляться только у белых мужчин, имеющих традиционную ориентацию и очень высокий достаток. Доказательством того служили его манера сидеть, широко расставив ноги, и излишне громкие беседы по мобильному телефону о рынках и позициях.

В одном из таких разговоров он упомянул жену, назвав ее «кандалами на ногах». Он всегда выходил в Сербитоне, что казалось Айоне как-то не слишком совместимым с его статусом. Всем знакомым пассажирам – естественно, лишь визуально знакомым – она давала прозвища. И этого типа про себя называла Щеголеватый-Сексист-Сербитонец.

Однако сейчас от его самодовольства не осталось и следа. Он находился в крайнем смятении. Наклонившись вперед, мужчина схватился за горло и издавал нечленораздельные звуки; нечто среднее между кашлем и рвотой. Рядом с ним сидела хорошенькая девушка с рыжими волосами, заплетенными в косу, и безупречно гладкой кожей. Она вряд ли задумывалась о свойствах своей кожи, принимая их как должное, хотя когда-нибудь будет вспоминать былые времена с восторгом и грустью.

– С вами все в порядке? – спросила девушка.

Зачем спрашивать? И так ведь ясно, что ему плохо. Мужчина поднял голову, попытавшись что-то сказать, и не смог. Казалось, слова застряли у него в горле. Жестами он показывал на недоеденный фруктовый салат, стоявший перед ним на столике.

– Наверное, он подавился клубничинкой. Или виноградиной, – заметила девушка.

Ситуация была критической, и не столь важно, какой именно ягодой подавился их сосед. Отложив книгу, девушка похлопала его по спине между лопаток. Однако сделала это мягко. Зачастую такие похлопывания сопровождаются словами: «Хороший песик». Тогда как сейчас требовалось нечто совершенно иное.

– Нужно стукнуть посильнее, – сказала Айона.

Перегнувшись через столик, она похлопала мужчину уже не ладонью, а крепко сжатым кулаком. Это доставило ей удовольствие, весьма неуместное в подобных обстоятельствах. На мгновение бедняга затих, но тут же снова стал давиться. Его лицо покрылось пурпурными пятнами, а губы начали бледнеть.

Неужели он умрет прямо здесь, в вагоне утреннего поезда? Неужели не доедет до Ватерлоо живым?

Пирс

08:13. Сербитон – Ватерлоо

Сегодня Пирс напрочь выбился из привычного графика. Начать с того, что он сел не на тот поезд, каким обычно ездил. Ему нравилось появляться в Сити еще до открытия рынков, однако нынче весь дневной распорядок полетел вверх тормашками, поскольку вчера Кандида уволила очередную гувернантку-иностранку.

В этом году Магда была у них уже третьей по счету гувернанткой, и Пирс лелеял надежду, что девица продержится хотя бы до конца школьной четверти. А потом они с Кандидой раньше срока вернулись с отвратительного уик-энда *en famille*² и нашли Магду в постели с ландшафтным архитектором. Помимо этого, они обнаружили также следы кокаина и свернутую банкноту, лежащую на твердой обложке книги Джулии Дональдсон «Груффало». Возможно, Пирс и сумел бы убедить Кандиду оставить Магду, сделав той солидное внушение. Как-никак у гувернантки был выходной день. Но осквернение любимой книжки детей стало для жены последней каплей. «Как я могу снова читать эту сказку и не представлять при этом Томазо, шарящего в глубокую чаше Магды?» – орала Кандида.

Однако на этом неприятности не закончились. Когда Пирс наконец-то сел в поезд на платформе Сербитон, то увидел, что единственное свободное место находится напротив странной тетки и ее плоскомордой, хрипло дышащей собачонки. По утрам он не сталкивался с нею, зато до противного часто видел на обратном пути. Очевидно, Пирс был не единственным пассажиром, старавшимся избегать дамочки, поскольку обычно места вокруг нее пустовали.

Сегодня Чокнутая Собачница выглядела просто смехотворно. Она вырядилась в ярко-красный твидовый костюм. Такая ткань куда больше подошла бы для обивки мебели в начальной школе.

Пирс быстро прикинул в уме, что лучше: простоять весь путь до Ватерлоо или сесть напротив этого дивана на каблуках. Потом он увидел, что рядом со свободным местом сидит весьма привлекательная девушка, которую он тоже прежде часто встречал в пригородных поездах. Пирс заметил у нее между двумя передними зубами небольшую щербинку – маленькое несовершенство, что добавляло лицу шарма, делая его не просто хорошеньким, а притягательным. Кажется, однажды он даже подмигнул красотке. Бывают такие молчаливые моменты общения между привлекательными и успешными пассажирами, погруженными в море посредственности и чувствующими себя как гоночные машины экста-класса на автостоянке возле дешевого супермаркета.

Пирс мысленно прикинул возраст девушки. Где-то ближе к тридцати. На ней были облегающая розовая юбка, открывающая красивые ноги, к сожалению спрятанные под столом, белая футболка и черный блейзер. Должно быть, она работала в каком-нибудь трендовом медицентре, где позволяли так одеваться всю неделю, а не только по пятницам. Видя такое лакомство для глаз, он решил сесть рядом.

Достав телефон, Пирс начал проверять основные сделки. На прошлой неделе он потратил кучу денег и потому сейчас должен был проявить осмотрительность. Вознеся мысленную молитву богам рынков, Пирс потянулся к фруктовому салату, купленному в привокзальном супермаркете, взял виноградину и сунул ее в рот. Позавтракать дома не удалось. Он только и делал, что пытался заставить детей завтракать, а те упирались и кричали: «Где Магда? Мы хотим Магду!» В кондитерской секции супермаркета Пирс засмотрелся на булочки с шоколадом, но Кандида запретила ему есть сладкое, заявив, что муж толстеет. Толстеет? Ха! Да для

² Семейный, в семейном кругу (*фр.*).

своего возраста он находился в превосходной форме. И тем не менее, помня, что сидит сейчас рядом с привлекательной девицей, Пирс подобрал живот.

Он жадно вглядывался в цифры, ползущие по экрану мобильного. Ему не померещилось? «Дартингтон диджитал» – явный успех. Пирс непроизвольно резко вдохнул и вдруг почувствовал, как ему заклинило горло. Он попытался перевести дыхание, но лишь глубже протолкнул этот клин.

«Спокойно, – приказал себе Пирс. – Не теряй голову. Это всего-навсего виноградина. Рассуждай трезво».

Однако нормально думать не удавалось. Его захлестнула волна страха и беспомощности.

Пирс громко ударил руками по столу и выпучил глаза, в молчаливой мольбе обращаясь к обеим женщинам. Потом кто-то похлопал его по спине, но это был скорее массаж, а здесь требовался прием первой помощи. Слава богу, затем его ударили со всей силой. Ну, теперь-то получится? С неимоверным облегчением он почувствовал, как проклятая виноградина чуть сдвинулась... и тут же вернулась в прежнее положение.

«Я не могу отдать концы прямо здесь и сейчас, – думал Пирс. – Только не в этом отвратном пригородном поезде, в окружении ничтожеств и фриков». Следом явилась еще более удручающая мысль: «Если я сейчас умру, Кандида все узнает. Она поймет, чем я занимался, а дети вырастут, зная, каким неудачником на самом деле был их отец».

Скрючившись над столом, Пирс краем глаза видел, что красный твидовый костюм встал. Это было похоже на извержение вулкана. Следом раздался оглушительно громкий голос:

– В ВАГОНЕ ЕСТЬ ВРАЧ?!!

«Ну пожалуйста, пожалуйста, пусть в вагоне окажется врач. – Он бы отдал сейчас что угодно за возможность свободно дышать. – Вселенная, ты меня слышишь? Помоги! Это же в твоей власти».

Пирс закрыл глаза, но по-прежнему видел что-то красное: то ли призрак твидового костюма, то ли набрякшие кровеносные сосуды за глазами.

– Я медбрат! – слышалось у него за спиной.

Прошло несколько секунд, показавшихся ему вечностью. Потом чьи-то руки крепко обхватили Пирса сзади, подняли на ноги и со всей силы трижды ударили в живот.

Санджей

08:19. Нью-Малден – Ватерлоо

Сегодня я наконец сделаю это», – думал Санджей, шагая к станции Нью-Малден, чтобы сесть на свой обычный утренний поезд. Сегодня он соберет все имеющееся у него мужество и заговорит с Девушкой-из-Поезда. Санджей заранее продумал, что именно ей скажет. В дороге она всегда читала какую-нибудь книгу. Настоящую, бумажную, а не электронную. Аудиокниги она тоже не жаловала. Это являлось одной из многих причин, подсказывавших Санджею, что между ними установятся прекрасные отношения. На прошлой неделе Девушка-из-Поезда читала роман Дафны Дюморье под названием «Ребекка». Санджей раздобыл в местном магазине экземпляр книги и за выходные прочел несколько первых глав. Поэтому сегодня (будем исходить из того, что девушка все еще продолжает читать этот роман) можно будет спросить, какого она мнения о миссис Дэнверс. Великолепное, весьма оригинальное начало для разговора, дружеского и интеллектуального одновременно.

По дороге на станцию Санджею обычно попадались двое его коллег и приятелей, с которыми он делил жилье. Они работали в той же больнице, что и он, но сейчас им доставались преимущественно ночные дежурства. Утром он, выспавшийся и достаточно энергичный, шагал в северном направлении. А Джеймс и Итан плелись по улице в южном: бледные, измотанные и пахнущие дезинфицирующим средством. Этакое окошко в мир, где вскоре окажется и он сам.

Пройдя на платформу, Санджей встал возле киоска с закусками, поскольку именно здесь останавливался третий вагон, в котором чаще всего ездила вышеупомянутая девушка. (За несколько недель он выяснил это методом проб и ошибок.)

«Великолепная книга, – мысленно репетировал он начало разговора. – Что вы думаете о миссис Дэнверс? Кстати, меня зовут Санджей. Вы часто ездите этим поездом?» Нет, последняя фраза никуда не годится. Слишком уж банально.

Едва войдя в вагон, Санджей понял, что сегодня удача и впрямь ему улыбнется. Его девушка сидела за столиком для четверых, напротив Радужной Леди, вечно ездившей с собачкой, и рядом с крепким мужчиной средних лет в дорогом костюме. Этого пассажира Санджей уже несколько раз видел прежде. Высокомерный, самоуверенный топ-менеджер. На таких Санджей вдоволь насмотрелся на отделении экстренной медицинской помощи, когда их везли на каталках с прободением язвы, вызванной нескончаемыми стрессами, или с подозрением на инфаркт (следствие «расслабухи» с помощью кокаина). Те, кто были в сознании, обычно кричали: «У меня частная медицинская страховка!» Наверняка и этот тип тоже считал себя лучше большинства простых смертных и не отличался уважением к личному пространству других.

Зато Санджею очень нравилась Радужная Леди. Он часто встречал ее по пути на работу, но никогда не заговаривал. Причины его симпатии были очевидны. В мире, где почти все одевались в черное, темно-синее и разные оттенки серого, эта женщина появлялась в одежде изумрудно-зеленого, бирюзового и ярко-пурпурного цветов. Она и сегодня не обманула его ожиданий. На Радужной Леди был костюм из ярко-красного твида, что делало ее похожей на клубничное варенье, какое всегда оставалось на дне больших «семейных» жестяных банок кондитерской фирмы «Куолити-стрит».

Может, попросить Радужную Леди снять собачку, чтобы он тоже мог сесть за столик? Как-никак ее питомица вряд ли имела сезонный билет, да и вообще позволять животному занимать место, предназначенное для людей, противоречило всем правилам гигиены и безопасности. Но Санджей не только восхищался Радужной Леди; он в равной степени также и побаивался ее. Причем наверняка не он один. Каким бы переполненным ни был вагон, лишь немногие пассажиры отваживались попросить эту даму убрать собачку с сиденья. А если и

просили, то впредь никогда уже не повторяли этой ошибки. С Радужной Леди не рисковали связываться даже кондукторы.

Держась за металлический поручень, Санджей остался стоять. Он пытался сообразить, как лучше приблизиться к девушке и начать разговор. Раньше он никогда не заговаривал с незнакомыми людьми. Все его прежние свидания происходили с сокурсницами в колледже или сослуживицами на работе, а также через сайт знакомств. Там ты день за днем ведешь беседу о пустяках, осторожно выдавая крупницы сведений о себе. До встречи живьем проходит немало времени. Старая школа с жуткими условностями. Понятно, почему его сверстники предпочитали знакомиться иным способом.

В пространстве вагона, как всегда, было довольно тихо, если учесть, что в этой небольшой металлической коробке ехало около восьмидесяти пассажиров. Только постукивание колес, лязгающие всплески музыки из чьих-то наушников да редкое покашливание. И вдруг в это пространство, словно тяжелый грузовик, ворвался крик:

– В ВАГОНЕ ЕСТЬ ВРАЧ?

Санджей получил ответ на свои мольбы, хотя довольно неожиданно и весьма экстравагантным образом. Кашлянув, он придал голосу максимальную уверенность и ответил:

– Я медбрат!

Толпа почтительно расступилась. Пассажиры отодвигались, освобождая ему проход. Санджей шел, улавливая целую гамму запахов: кофе, туалетной воды, пота. Он торопился к столику, где сидели Радужная Леди, его девушка и мужчина, который наверняка чем-то подавился.

В медицинском колледже, где учился Санджей, подобный случай изучали еще в первом семестре первого курса. Неотложная первая помощь, модуль № 1: толчки в живот, также известные как прием Геймлиха.

Сказалась практика: дальше Санджей действовал на автопилоте. Он и не подозревал, что в нем столько силы. Подойдя к задыхающемуся мужчине сзади, Санджей рывком поднял того с места, сцепил руки у него на животе и резко надавил на диафрагму. Три раза подряд. Казалось, весь вагон замер, испытывая сочувствие к пострадавшему. Затем из горла мужчины послышался мощный кашель, коварная виноградина с космической скоростью вылетела наружу и шумно шлепнулась прямо в чашку Радужной Леди, где еще оставался недопитый чай.

Чашка загремела, но устояла на блюдце. Вагон взорвался аплодисментами. Санджей почувствовал, что покраснел.

– А-а, так это была виноградина, – объявила Радужная Леди, глядя в чашку так, словно все это являлось частью игры «Угадай спрятанный предмет» на каком-нибудь детском празднике.

– Огромное вам спасибо. Полагаю, вы спасли мне жизнь, – сказал мужчина. Слова он произносил медленно и с трудом, словно бы они продирались сквозь память о виноградине. – Как вас зовут?

– Санджей. Не стоит благодарности. Это часть моей работы.

– А я Пирс. Никакими словами мне не выразить свою благодарность, – признался спасенный, лицо которого постепенно розовело.

– СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ – КОНЕЧНАЯ, ВОКЗАЛ ВАТЕРЛОО, – послышалось из вагонных динамиков.

Санджею охватила паника. Пассажиры одобрительно похлопывали его по спине и всячески хвалили. Это, конечно, было приятно, но ему хотелось поговорить только с одной-единственной пассажиркой, а он упускал свой шанс. Люди вставали и двигались к дверям, толкая к выходу и его тоже. Санджей чувствовал себя леммингом, упрямо не желающим бросаться со скалы. В отчаянии он обернулся и выпалил:

– Что вы думаете о миссис Дэнверс?

Девушка посмотрела на него с явным недоумением. Сегодня она читала не «Ребекку», а автобиографию Мишель Обамы. И Санджей с его вопросом выглядел как... чокнутый тип, пытающийся закадрить девушку. Наверняка именно таким она его и посчитала.

Он сам все испортил. И теперь уже ничего не исправить.

Эмми

В душе у Эмми царил полнейший разброд. Не самое подходящее состояние, чтобы явиться в офис. И потому она вначале нырнула в свою любимую семейную кофейню, достав из сумки кружку, которую везде таскала с собой.

– Привет, Эмми! – поздоровался с нею бариста. – Как дела?

– По правде говоря, хреновенько, – ответила Эмми.

Эти слова слетели у нее с языка раньше, чем она смогла взять себя в руки и ответить социально приемлемой фразой: «Благодарю вас, хорошо». Эмми принципиально не желала превращаться в одну из тех капризных дамочек, которые озабочены своими мелкими проблемами, характерными для развитых стран, когда в мире каждый день кто-то вынужден ночевать на улице или надрываться, зарабатывая детям на еду.

Бариста умолк и нахмурил брови, ожидая продолжения.

– Утром в нашем вагоне один мужчина чуть не умер. Подавился виноградной, – сказала она.

– Но он остался жив? – уточнил бариста, и Эмми кивнула. – Его здоровье не пострадало? – (Она покачала головой.) – В таком случае есть повод отметить это событие. Может, хотите крендель с корицей?

Эмми даже не пыталась объяснить, почему у нее нет ни малейшего желания праздновать чудесное спасение попутчика. Сегодня ее день начинался как обычно: она сделала упражнения на растяжку и пересчитала многочисленные поводы быть благодарной судьбе. И вдруг... БУМС!.. раньше, чем она успела доехать до Ватерлоо, судьба показала ей, что все люди смертны, включая и ее саму. Эмми внезапно поняла: оказывается, за считанные секунды можно из счастливого, здорового человека превратиться в... бездыханный труп.

Мужчина, сидевший рядом с нею, подавился виноградной и стал задыхаться, а чем она смогла ему помочь? Эмми, всегда считавшая себя находчивой и стрессоустойчивой, не теряющей голову в случае форс-мажора, лишь беспомощно сидела и смотрела, как двое пассажиров спасают бедняге жизнь. Оказалось, что в экстремальной ситуации ее инстинкт был настроен на то, чтобы спастись бегством, а не бороться. В мозгу неотступно крутилось одно и то же: «А если бы это случилось со мной? А если бы меня сегодня сбил автобус, взорвал террорист или ударило током от компьютерного кабеля с прохудившейся изоляцией? Что осталось бы после меня? Чего я успела достичь?»

Эмми думала о проекте, над которым работала весь прошлый месяц: полностью интегрированная цифровая рекламная кампания по продвижению «взрывного» бренда туалетной бумаги. Она представила панегирик собственной персоне: «Благодаря гениальной стратегии Эмми и ее просто выдающейся креативности больше людей смогли открыть для себя роскошь использования ароматизированной туалетной бумаги повышенной мягкости».

Будучи подростком, Эмми целый месяц ночевала на дереве, чтобы спасти местный лес от вырубки. Большую часть школьных каникул она проводила, помогая на благотворительной кухне. Ее прозвали Гермией. Друзья утверждали: если бы в их школе существовали домашние эльфы, Эмми обязательно устроила бы кампанию за их освобождение. Однако ей уже исполнилось двадцать девять, а она так до сих пор еще и не сделала ничего, что хотя бы чуточку преобразило ту часть Темз-Диттона, где Эмми жила, не говоря уже обо всем остальном мире. Вот и сегодня она просто сидела и тупо смотрела, как подавившийся виноградной пассажир умирает.

Затем ей вспомнился медбрат, спасший несчастного. Он был таким спокойным, таким умелым. Таким – Эмми простила себе мгновение легкомыслия – симпатичным. Он не меч-

тал быть кому-то полезным, а по-настоящему помогал людям. Спасал человеческие жизни не только у себя на работе.

Может, и ей пойти выучиться на медсестру? Не слишком ли поздно? Пожалуй, нет, какие ее годы. Проблема в другом: Эмми падала в обморок при виде кровотечения из носа или мозоли на ноге. Так что медицина – явно не ее карьерная стезя.

Что сказал ей этот Обалденно-Героический-Медбрат перед выходом из вагона? Задал какой-то странный вопрос вроде: «Что вы думаете о миссис Дэнверс?» Нет, наверняка ей послышалось, не мог он спросить такую бессмыслицу... Эмми вновь и вновь прокручивала в голове сцену, которая разыгралась нынче утром в вагоне, и все никак не могла успокоиться.

В офисе Эмми уселась за стол и включила ноутбук. В голове немного звенело от кофеина, адреналина и решимости. Она немедленно применит свой талант и опыт, чтобы сделать что-нибудь хорошее. Например, найдет клиента, занимающегося благотворительностью, и убедит Джоуи разрешить работать с ним бесплатно. Шеф наверняка клюнет, если это принесет фирме дополнительные бонусы.

Эмми открыла электронную почту. Сейчас просмотрит все важные письма, составит список первостепенных дел на сегодня, а затем возьмется за свой новый проект.

Эмми изучила список непрочитанных сообщений. Одно, занимавшее самую верхнюю строчку, выделялось своим адресом, заставившим ее улыбнуться. Адрес был такой: A.friend@gmail.com. В теме значилось: «Вам». Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что это за друг такой появился? Может, какой-нибудь «охотник за головами», стремящийся переманить ее в другое место? Открыв сообщение, Эмми быстро пробежала глазами текст, целиком набранный заглавными буквами.

ЭТА РОЗОВАЯ ЮБКА ДЕЛАЕТ ТЕБЯ ПОХОЖЕЙ НА ШЛЮХУ.
И ПОСЛЕ ЭТОГО ТЫ ОЖИДАЕШЬ, ЧТО КТО-ТО ВОСПРИМЕТ
ТЕБЯ ВСЕРЬЕЗ?
ДРУГ

Эмми резко повернулась на компьютерном кресле, словно бы автор анонимки стоял у нее за спиной и дожидался реакции. Естественно, сзади никого не оказалось.

Девушка еще раз перечитала сообщение. Недавний всплеск энтузиазма поглотила волна гнева, стыда и потрясения. Она взглянула на юбку, которую решила надеть этим утром. Ярко-розовая юбка-карандаш, в которой она чувствовала себя такой целеустремленной, успешной и сексуальной. Сейчас Эмми хотелось сорвать с себя проклятый наряд и запихнуть его в мусорную корзину.

Пространство офиса заполнилось сотрудниками. Ее коллегами. Ее друзьями. Людьми, которых она уважала и думала, что они тоже уважают ее. Эмми всматривалась в их лица и жесты, ища зацепку, которая позволила бы угадать автора пасквиля. Она проверила время: письмо пришло десять минут тому назад. Никаких зацепок. Ее коллеги выглядели как и прежде.

Однако Эмми сомневалась, что ее офисная жизнь останется прежней.

Айона

18:17. Ватерлоо – Хэмптон-Корт

Войдя в комнату для совещаний, Айона остановилась как вкопанная. Ее буквально захлестнуло волной ужаса, когда она увидела рядом с боссом Бренду, начальницу отдела кадров. Вообще-то, подразделение, возглавляемое этой женщиной, еще в девяностые переименовали в «отдел людских ресурсов», и отделом кадров оно оставалось лишь в мыслях Айоны. Она пришла сюда, думая, что разговор с главным редактором будет происходить с глазу на глаз, и вдруг такой сюрприз. Вид у Бренды был навязчиво-услужливый. Само по себе это еще ничего не значило, поскольку Бренда всегда, что называется, смотрела начальству в рот, однако сейчас, взглянув на подобострастную физиономию кадровички, Айона лишь сильнее почувствовала, что надвигается беда.

– Всем привет! – бодро произнесла она, мысленно ругая себя за легкую дрожь в голосе. – Два человека сойдут за всех? Может, мне надо было сказать: «Привет обоим» или «Приветствую вас двоих»?

Айона сознавала, что несет чушь. Она устремила взгляд на шефа в тщетной надежде, что таким образом Бренда вдруг исчезнет. Редактора звали Эд. Может, он специально сменил имя, чтобы соответствовать этой работе?³ Любопытная тема для размышления, но сейчас надо думать совсем о другом.

– Э-э-э, Айона, вам не трудно удалить на время разговора собаку? – спросил Эд, целясь пальцем в ее дорогую Лулу, словно солдат расстрельной команды.

В каком-то смысле, он и был таким солдатом.

Дверь оставалась открытой. Айона вышла, пятясь задом, чтобы никто из этих двоих не попытался выстрелить ей в спину.

– Вы не понянчитесь несколько минут с моей малышкой? – обратилась она к помощнице руководителя, как теперь именовались секретарши, уже не знающие стенографии.

Девица явно обрадовалась приятному развлечению. Еще бы не обрадоваться, когда тебе платят мало и при этом совершенно не ценят, когда ты просто приложение к Эду.

– Лулу любит, когда ей почесывают в мягких местах, особенно за ушками. – Когда Айона нервничала, то всегда перебарщивала. Вот и сейчас она зачем-то добавила: – Да и кто из нас не любит этого? – сопроводив вопрос натянутым и несколько визгливым хихиканьем.

Помощница руководителя недоуменно поежилась.

– И вновь, друзья, иду на баррикады, – пробормотала себе под нос Айона.

Она вошла, держась прямо, с высоко поднятой головой, так, как в свое время выходила на сцену.

– Присаживайтесь, – произнес Эд, указав на ряд разноцветных пластиковых стульев, стоявших по обеим сторонам стола.

Айона выбрала стул справа, надеясь, что сочетание ярко-оранжевого пластика и красного костюма пагубно скажется на сетчатке глаз Бренды. Усевшись, она достала из сумки блокнот и карандаш. Никаких записей Айона делать не собиралась, но при случае, если вдруг возникнет нужда, можно воткнуть карандаш в руку Эда. Эта мысль немного приободрила ее.

– Итак, прежде чем приступить к детальной аттестации, я бы хотел поговорить с вами об общем положении дел, – сказал главный редактор, складывая пальцы домиком и напуская на себя серьезный вид, словно школьник, вообразивший себя управляющим банка.

³ В данном случае Айона воспринимает имя Эд (Ed) как сокращение от слова editor («редактор»).

Он стал излагать подробности, повествуя о падении тиража, снижении доходов и росте издержек. Все эти цифры проплывали мимо Айоны, как радиоактивная пыльца, несомая ветром, хотя она и всячески изображала полнейшую заинтересованность.

– Как вы понимаете, – попыток Эд, – нам необходимо всерьез сосредоточиться на электронной версии журнала и привлечь более молодую аудиторию. Следовательно, весь наш контент должен быть современным и отвечающим потребностям сегодняшнего дня. А это значит, что рубрика «Спроси Айону» ощущается уже несколько... – Он умолк, подыскивая нужное прилагательное. – Устаревшей.

Даже в оскорблениях Эд демонстрировал явное отсутствие творческой фантазии.

Айону замутило. «Прекрати, – мысленно приказала она себе. – Вставай и сражайся. Думай о Боудикке, королеве кельтов». Айона собрала свою разношерстную армию и поднялась на колесницу.

– Эд, вы дадите мне понять, что я слишком старая? – спросила она и замолчала, наслаждаясь зрелищем побледневшей «кадровой ресурсницы», подбородки которой стали еще заметнее. – Будучи журнальным психотерапевтом, могу сказать: жизненный опыт – это настоящее богатство. А у меня его предостаточно. И все-то я испытала на собственной шкуре: сексизм, дискриминацию по возрасту, гомофобию.

Она разбрасывала слова, как бомбы, каковыми они, собственно, и являлись. Получи Айона инвалидность, что в ее возрасте было вполне возможно, у нее на руках оказался бы полный список потенциальных случаев дискриминации. «И тогда, кадровичка Бренда, ты бы ужом вертелась, ища способ, как из всего этого выпутаться».

– У меня и в мыслях ничего такого не было, – возразил Эд. – Я просто ищу альтернативу. – (Айона сразу же поняла: в контексте их разговора подобная формулировка подразумевала «выдвигаю ультиматум».) – Подумайте об уменьшении круга обязанностей. Вы бы смогли больше времени проводить с внуками.

Айона с предельной жесткостью посмотрела на собеседника и хрустнула костяшками пальцев. Этот звук всегда заставлял Эда морщиться.

Бренда кашлянула и стала теревить шнурок своего бейджа.

– Ах да. У вас же нет внуков. Ну разумеется, нет, – пробормотал Эд.

И как прикажете понимать это его «ну разумеется, нет»? В смысле, Айона еще слишком молода для внуков? Или же шеф имел в виду ее нетрадиционную ориентацию?

– Давайте не будем пороть горячку. Мы дадим вам месяц и посмотрим, сумеете ли вы революционизировать свою рубрику. Сделайте ее более современной. Заставьте свои страницы бурлить. Думайте в ключе третьего тысячелетия. Будущее – оно там.

Эд заставил себя улыбнуться, и от усилий его лицо чуть не треснуло.

– Конечно, – сказала Айона, написав в блокноте «БУРЛИТЬ» и тут же добавив «ЗАДРОТ». – Но вначале позвольте вам напомнить, Эд, как важны для журнала разделы, где разбираются проблемы читателей. Люди зависят от этой моей рубрики. Не считите, будто я излишне драматизирую, говоря, что от этого зависят чьи-то жизни. И между прочим, нашим читателям мои статьи очень нравятся. Если уж на то пошло, многие признаются, что покупают журнал только ради рубрики «Спроси Айону».

Вот тебе, жалкий римский центурион!

– Несомненно, когда-то так оно и было, – ответил Эд, выхватывая невидимый меч и вонзая ей в сердце. – Но когда вы в последний раз слышали эти слова?

Айона не сразу вернулась на свое рабочее место. Вначале она направилась в туалетную комнату, глядя себе под ноги, поскольку отвратный ковер, впрочем довольно практичный, до сих пор оставался липким после недавней офисной вечеринки, когда на него пролили фруктовый пунш. Запершись в кабинке, она опустила крышку сиденья и села, усадив Лулу на

колени. В туалете пахло сосновым освежителем, потом и собакой. Айона заплакала. Правильнее сказать, зарыдала, чувствуя, как нос наполняется соплями, а по щекам течет размытая тушь для ресниц. Эта работа была смыслом ее жизни. Причиной, заставлявшей вставать по утрам. Работа давала ей цель. Делала той, кем она была. А теперь, после того как она почти тридцать лет отдала журналу и на всех парах приближается к своему шестидесятилетию, ее хотят уволить. И кем тогда станет Айона? Как же так получилось? Куда подевались хвалебные отзывы начальства, восторги читателей и церемонии награждения? Как это вдруг так вышло, что она оказалась в подобной ситуации?

Айона попыталась пробудить в себе злость, но ей не хватало сил. В прежние дни она была занята под завязку: вела социальную колонку, страницу советов, а иногда также делала обзоры ресторанов и маршрутов для путешествий. Это изматывало, но недозагруженность изматывала еще сильнее. Сейчас Айона чувствовала, что устала. Она устала излучать уверенность, которой давно уже не испытывала. Устала постоянно напускать на себя занятый вид, когда на самом деле у нее постепенно отобрали все редакционные обязанности, оставив лишь одну-единственную рубрику «Спроси Айону».

Она научилась растягивать каждое задание на долгие часы. Монитор ее компьютера был повернут под таким углом, что другие сотрудники не видели, чем она на самом деле занимается. А она планировала фантастические поездки с Би на прекрасные коралловые острова или же путешествовала по Facebook, заглядывая на страницы своих старых школьных друзей.

Такая жизнь, конечно же, не была борьбой. А ведь Айона всегда считала себя лидером. Все эти годы она тайно насмехалась над приоритетами своих современниц. Одна за другой они съезжали со скоростной автострады карьеры на обочину ради того, чтобы производить на свет детей или ублажать неблагодарных, эгоистичных мужей, когда-то вполне симпатичных, но успевших отрастить пивные животы, волосы в носу и подхватить грибок на ногах.

Однако теперь, когда она смотрела на снимки выпускных церемоний их детей или праздников, где за отдраенными кухонными столами собиралось несколько поколений семьи, и даже на фотографии крошечных новорожденных внуков, неосмысленно пялящихся глазенками в объектив камеры... у нее возникал вопрос. А что, если (это всего лишь предположение) эти женщины в конечном итоге выиграли? По крайней мере, они не плакали, сидя в офисном туалете и утыкаясь в шею комнатной собачонки.

Айона услышала, как открылась дверь и по плиткам пола зацокали две пары высоких каблучков. Она подняла ноги, подтянув колени к груди, и еще глубже зарылась лицом в шерсть Лулу, дабы заглушить всхлипывания.

– Боже, до чего я ненавижу понедельники! – произнесла первая женщина.

Айона испытала облегчение. Она узнала голос Марины, редактора одного из отделов. Невзирая на разницу почти в тридцать лет, они с Айоной были добрыми подругами: любили перекинуться словечком у кулера и даже несколько раз вместе ходили на ланч. Марина сообщала Айоне все редакционные сплетни, а Айона бесплатно консультировала приятельницу, помогая той разбираться в запутанной личной жизни. Они обе уважали друг друга как профессионалы, как женщины, находящиеся на пике карьеры. Может, выйти из туалетного «укрытия» и рассказать Марине о случившемся? Поделиться проблемой и все такое. Может, им стоит пойти на ланч и выпить чего-нибудь покрепче для восстановления сил.

– Я тоже, – послышался в ответ голос кадровички Бренды. – Хотя еще сильнее я ненавижу среды. Болтаешься где-то посреди недели: ни здесь, ни там.

– Видела, как вы с Эдом разговаривали с нашей динозаврихой, – сказала Марина. – Ну как, нашли способ подтолкнуть ее к вымиранию? Что вы задумали? Ледниковый период или удар метеорита?

Вот тебе и женская солидарность.

Поезд, который повезет ее домой, как всегда, уже стоял на пятой платформе вокзала Ватерлоо. Но сегодня, увидев его, Айона испытала особое облегчение. Хотя бы эта часть дня была успокоительно предсказуемой. Войдя в свой обычный вагон, она мысленно выругалась и случайно стиснула Лулу, заставив бедняжку тявкнуть. В вагоне находился Пожиратель Винограда – этот, как его? Пирс. В ее любимом седьмом ряду оставалось единственное свободное место, а этот тип, как назло, сидел по другую сторону прохода. Кажется, он собирался завести разговор. Айона любила, когда ее много и горячо благодарили, однако сейчас ей хотелось просто тихо сесть и представить себя в мире, где она еще по-прежнему что-то значила.

Вздыхнув, Айона села, открыла сумку, достала стакан и фляжку джина с тоником, а также пластиковый пакетик с замком-застежкой, где лежала пара ломтиков лимона. Она ждала, что Пирс сейчас заговорит, но этого не случилось. Тогда она украдкой взглянула на соседа. Тот откинулся на спинку сиденья, словно по желанию мог задать любой угол изгиба, и развел ноги так широко, что старуху, сидящую рядом, припечатало к окну, как римскую штору. Пирс поймал взгляд Айоны, и на мгновение ей показалось: сейчас он обратится к ней. Но взгляд Пирса тут же сместился. Он достал мобильник и стал тыкать в виртуальную клавиатуру своим властным указательным пальцем.

Айоне стало неловко. Затем она рассердилась на себя за то, что позволила этому... болвану вывести ее из равновесия. Казалось бы, если ты видишь женщину, которая несколько часов назад помогала спасать твою жизнь, было бы уместно сказать ей спасибо. Разве не так? Или хотя бы поздороваться. На худой конец, просто кивнуть. Может, Пирс ее не узнал? Это исключено. На что Айона никогда не могла посетовать, так это на свою, так сказать, запоминаемость.

– Дорогая, – произнес в мобильник Пирс. Судя по громкости и тону, ему было наплевать на покой остальных пассажиров. – Ты бы не могла спуститься в погреб, взять бутылочку «Пуйи-Фюме» и поставить ее в холодильник?.. Нет, не ту. Гран-крю. Из тех, что мы привезли с Луары, когда нас угораздило снять виллу вместе с Пинкертонами.

Лулу, сидевшая на коленях у хозяйки, зарычала. Айона чувствовала, как грудная клетка собачки буквально раздувается, словно мехи волынки. Набрав воздуха, Лулу повернулась в сторону Пирса и залилась пронзительным лаем.

Пирс ткнул пальцем в телефон и оборвал разговор, даже не попрощавшись.

– Черт побери, что стряслось с этой дурацкой псиной?! – воскликнул он, сердито глядя на Лулу.

Айона привыкла к грубостям в свой адрес. И вполне могла бы проигнорировать неблагодарность и хамство Пирса, но позволить ему оскорблять Лулу она не собиралась.

– Лулу вовсе не дурацкая псина. На самом деле она в высшей степени смышленная собака. А еще она феминистка, а потому всегда и везде бурно реагирует на токсичных альфа-самцов.

Пирс разинул рот, а потом схватил с колен номер «Ивнинг стандарт» и заслонился газетой. Айона была абсолютно уверена: больше они даже не взглянут друг на друга. Ни о каких дальнейших разговорах не могло быть и речи. Ну и слава богу!

Санджей

Два месяца назад Санджея перевели из отделения экстренной медицинской помощи в отделение онкологии. Во многом это можно было считать повышением по службе. Работа в неотложке отличалась лихорадочностью и хаотичностью и сопровождалась бесконечными стрессами. Сирены подъезжающих машин, крики пострадавших, сухие распоряжения врачей. Вдобавок там он вечно испытывал какую-то неудовлетворенность. Конечно, приятно отпустить домой маленького мальчишку со сломанной рукой, надежно зафиксированной в гипсе. За то, что пацан мужественно держался, ты даришь ему стикер, и у тебя теплеет на сердце. Но гораздо чаще пациенты отправлялись в палаты, и Санджей не знал, чем окончится их история. В отделении экстренной медицинской помощи ему не удавалось как следует познакомиться с пациентами. Жизнь сводила его с ними в самый драматичный момент сюжета и тут же разлучала, не позволяя увидеть финал.

Отделение онкологии больше отвечало характеру Санджея, потому он и попросил о переводе. Здесь пациенты не менялись в течение недель, месяцев, а в некоторых случаях и лет. Он уже знал их имена, имена их детей и внуков, их мечты и тайные страхи. Равно как знал и способы максимально облегчить для каждого из этих людей время пребывания в клинике. Ради этого Санджей и поступал в свое время в медицинский колледж, мечтая исцелять не только тела, но сердца и умы пациентов. Кстати, он прямо так и написал об этом в заявлении о приеме, ничуть не покрывив душой.

Но, переведясь сюда, Санджей столкнулся с проблемой другого рода: чем больше он вникал в жизнь своих пациентов, тем тяжелее переживал трагические исходы. На нескольких человек, которых выписывали с доброкачественной опухолью или пятилетним порогом выживаемости, всегда находился кто-то с неизлечимым рецидивом, когда метастазы уже успели распространиться по всему организму. Сюда попадали матери маленьких детей, заметно слабеющие после каждого сеанса химиотерапии. Сначала они теряли волосы, потом брови и ресницы, а далее – чувство юмора и, наконец, надежду.

Врачи-консультанты, с которыми работал Санджей, похоже, привыкли ко всему этому. Они умели отстраняться, называя это механизмом психологической защиты. Да, на службе эти люди имели дело с трагедиями, несправедливостью и разбитыми жизнями, однако в конце смены, сняв белые халаты, спокойно шли пить пиво, забывая обо всех бедах мира. И как только им это удавалось? У Санджея не получалось отстраниться; все стороны его жизни были тесно связаны между собой. Что-то одно всегда переходило в другое, и ему это было не остановить. Он просыпался среди ночи, думая об онкомаркерах в последнем анализе крови мистера Робинсона, а во время обеда вспоминал разбросанные темные полосы на снимке мистера Грина, которому делал позитронно-эмиссионную томографию.

– Благодарю вас, медбрат, – сказала ему миссис Харрисон («Пожалуйста, зовите меня просто Джулией»), когда он накладывал повязку на место биопсии возле левой подмышки. – Думаете, все будет в порядке?

Женщина смотрела на него с надеждой и страхом. Чувствовалось, обе эмоции ведут в ее душе отчаянную схватку за первенство.

– Джулия, постарайтесь не волноваться, – произнес Санджей, избегая прямого ответа и роясь в своей ментальной картотеке в поисках подходящих слов. – Из десяти уплотнений в груди девять оказываются доброкачественными. Но вы поступили абсолютно правильно, сразу же обратившись к своему врачу. Всегда лучше подстраховаться.

Сказанное, конечно же, было правдой, но Санджей обратил внимание, какое лицо было у врача, делавшего женщине УЗИ, когда тот проводил измерения темной массы на экране –

пугающе большой и неровной. Ничего из этого Джулия не видела, однако Санджей научился замечать легкий прищур глаз и напряжение пальцев, сжимающих компьютерную мышь.

– Знаю-знаю. Просто я беспокоюсь за своих деток. Они еще совсем маленькие. Шесть лет и четыре года. Хотите на них взглянуть? – спросила Джулия, вынимая телефон.

Санджею не хотелось смотреть снимки. Это лишь все усугубит. Ах, если бы ему сейчас удалось сосредоточиться на номерах историй болезни, прогнозах и лечебных планах, а не на осиротевших детях и списках дел, которые нужно успеть сделать, пока живешь, и которые, вполне вероятно, останутся незавершенными.

– С удовольствием посмотрю, – сказал он, тепло улыбнувшись Джулии.

Санджей вежливо повосхищался снимками двух счастливых, благополучных ребятишек (у старшего выпал молочный зуб), даже не подозревавших, что их мир вскоре может разбиться вдребезги, после чего отправил Джулию домой, снабдив женщину абсолютно невыполнимой инструкцией: гнать все мрачные мысли прочь, нагружать себя делами, а через пять дней приехать снова за результатами биопсии.

Санджей нырнул в пустую семейную комнату. Ее еще называли комнатой для по-настоящему скверных новостей. Предполагая благоприятный исход, ты не станешь просить супружескую пару посидеть в семейной комнате. Пройдя к кулеру в углу, он налил себе чашку воды и сел в кресло, окруженный призраками страшных слов вроде «предсмертное состояние», «пронизанный метастазами», «распоряжение об отказе от реанимации» и «протокол лечения на завершающей стадии жизни». Неужели вся здешняя мягкая мебель успела пропитаться потрясением и горем пациентов и их родных? Санджей представил, как из подушек и занавесок выползает тягучая жижа, наполняет помещение и он тонет в этой жиже.

Его рука дрогнула. Вода пролилась на пол. Отставив кружку, Санджей попытался дышать медленно и глубоко. Сердце колотилось, так и норовя выскочить за пределы грудной клетки. Он до боли нажал себе на грудь, словно это могло удержать сердце на месте.

Интересно, что сказали бы Джулия и все пассажиры утреннего поезда, считавшие Санджея героем, узнай они о его подверженности регулярно повторяющимся, изнурительным паническим атакам? Видели бы они, как Санджей прячется в комнате для посетителей, туалетах или кладовке, сгибаясь в три погибели, судорожно обхватив голову руками и ожидая момента, когда вновь сможет нормально дышать.

Много ли пользы от медбрата онкологического отделения, который боится смерти?

Он вновь вспомнил Девушку-из-Поезда. Даже если бы им удалось познакомиться и она согласилась бы встретиться с ним, то очень скоро распознала бы его фальшивый фасад, и это означало бы конец их отношениям.

Марта

08:13. Сербитон – Ватерлоо

Марта на цыпочках пробралась мимо закрытой двери спальни, стараясь не обращать внимания на приглушенные стоны и ритмичные удары изголовья кровати о стену, долетавшие изнутри. Противно представлять, что люди в возрасте занимаются этим; еще противнее осознавать, что одна из них – твоя мать. И уж совсем противно, что второй участник процесса – не твой отец.

Мамин бойфренд Ричард («Прошу тебя, зови меня просто Диком, ха-ха-ха») что-то слишком уж у них загостился. Загибая пальцы, Марта считала, сколько месяцев он уже здесь околачивается. Почти год. И за это время в доме постоянно прибавлялись мужские вещи. В ванной – пена для бритья, в корзине для белья – трусы-боксеры, а в прихожей – небольшой ящик с инструментами. Марта не помнила, чтобы этот тип хоть что-нибудь делал по дому, но догадывалась: ящик создавал антураж рукастого и полезного мужика.

Интересно, знал ли Ричард, сколько на самом деле лет ее матери? Или Кейт и ему наплела про то, что родила Марту совсем еще юной глупышкой – только-только двадцать исполнилось? Близился день рождения матери. Марта подумывала, не сделать ли ей торт с надписью из разноцветной глазури: «ПОЗДРАВЛЯЮ С СОРОКАПЯТИЛЕТИЕМ». Подарочек разнес бы в клочья материнскую идиллию, особенно если учесть, что Кейт еще в конце прошлого века отказалась от рафинированного сахара.

Наверное, не стоит отпугивать этого Ричарда, поскольку его заместитель может оказаться еще хуже. А заместитель непременно объявится, в этом можно было не сомневаться, поскольку мать Марты, как и природа, не терпела пустоты. Зато вполне мирилась с хаосом в доме, напрочь позабыв о существовании пылесоса. В их жилище царил настоящий бардак.

К станции Марта шла на автопилоте, думая о вчерашнем вечернем обмене эсэмэсками с Фредди. Фредди ей всерьез нравился. Популярностью у девчонок он, правда, не пользовался. Малость неуклюжий, слегка не от мира сего, но Марте это ничуть не мешало. Зато он был суперумным и на удивление юморным.

При виде Фредди она не падала в обморок, как героини романов Джейн Остин. У нее не колотилось сердце, не вздымалась грудь и не расходились завязки корсета. Корсеты Марта видела только на картинках, а с такой грудью, как у нее, там просто нечему вздыматься. Но Марта свято верила: важно, когда и у тебя тоже есть парень, о котором можно поговорить. Когда все крутые девчонки соберутся в уголочке и будут шушукаться и хихикать, она вполне сможет к ним примкнуть. Теперь и у нее есть о ком посплетничать. В школьной тусовке она станет своей. Марта цеплялась за эту мысль, как озябший человек за горячую грелку.

Немалую часть своей жизни Марта ощущала себя знаменитым натуралистом и телеведущим Дэвидом Аттенборо, дающим пояснения к документальному фильму о природе. Она словно была наблюдательницей, изучающей неизвестный биологический вид, стараясь понять привычки и ритуалы его представителей, чтобы не быть отвергнутой или съеденной ими. Интересно, у других подростков это получалось естественным образом? Или все точно так же напрягали мозги, стараясь уяснить правила? И вот что странно: стоило тебе разобраться в правилах, как они тут же менялись. Менялись бренды одежды, тренды в музыке, наборы слов и выражений, медийные лидеры и кумиры шоу-бизнеса. Не жизнь, а сплошной поход по минному полю.

На станцию Сербитон поезд прибыл уже изрядно загруженным. В вагоне, куда вошла Марта, было единственное свободное место. Она уже хотела сесть, как ее вдруг оттолкнул типичный городской альфа-самец, явившийся из противоположного конца вагона. Он плюх-

нулся на сиденье, достал из портфеля ноутбук, поставил его на столик и открыл. Словом, поместил свою территорию на манер пса, орошающего фонарный столб.

– Ну, блин! – пробормотала Марта.

Альфа-самец повернулся и посмотрел на нее, и только тогда девочка поняла, что произнесла это вслух.

– Извини, дорогуша, – сказал он с улыбкой, которую наверняка считал неотразимой. – В жизни всегда есть победители и проигравшие. В данном случае проигравшей оказалась ты.

Марта почувствовала, что покраснела. Ответных слов у нее не находилось. Ей хотелось отойти от альфа-самца, но проход в обе стороны был плотно забит стоящими пассажирами. В кармане заверещал мобильник. Раз, другой, а потом сигналы превратились в пулеметную очередь. Марта достала телефон и уставилась в экран, радуясь возможности отвлечься. Чат их группы «Десятый класс» опять бурлил, взбудораженный очередной дурацкой сплетней.

Марта листала сообщения. Слова мелькали перед глазами. Неожиданно ей свело живот. Неужели весь шум в группе поднялся из-за нее? Нет, нет и еще раз нет! Она никак не могла быть тому причиной. Это у нее развивается параноя. Продираясь сквозь колкие словечки, насмешки, отвращение и возмущение, Марта добралась наконец до источника электронного переполоха... И тут ее живот сжался еще сильнее, и волна желчи выплеснулась наружу.

– Черт тебя подери! – заорал Ворюга Мест, которому Марта заблевала клавиатуру. – Ты хоть представляешь, сколько стоит этот ноутбук?

Сзади раздалось поскуливание. Марта обернулась и увидела знакомого французского бульдога. Казалось, собачьи глаза заглядывали ей прямо в душу.

– Да как вы смеете?! – воскликнула хозяйка пса.

Марта сжалась, думая, что женщина кричит на нее, но тут же поняла: гнев пассажирки был направлен на Ворюгу Мест. Эту женщину Марта часто видела в поезде и про себя называла ее Дама-с-Волшебной-Сумкой.

– Неужели вы не видите, что бедной девочке плохо? Боже, напрасно я тогда не оказала миру услугу и не позволила вам подавиться!

– В данном случае я пострадавшая сторона! – заявил альфа-самец, с возмущением указывая на заляпанный ноутбук.

– В жизни всегда есть победители и проигравшие, и сейчас проигравшим оказались вы, – парировала Дама-с-Волшебной-Сумкой.

При иных обстоятельствах Марта улыбнулась бы столь остроумному ответу, но сейчас ей было не до улыбок.

Пока двое взрослых обменивались оскорблениями, Марте вспомнилась сцена из «Мира юрского периода», где тираннозавр Рекс и Индоминус набросились друг на друга, что позволило беззащитным людям незаметно ускользнуть. На следующей станции, едва открылись двери вагона, Марта выскочила на платформу и побежала.

Она проталкивалась сквозь толпу пассажиров, двигавшихся ей навстречу. Остатки желчи до сих пор жгли горло. Мобильник продолжал разрываться от новых сообщений. Увы, есть ситуации, над которыми мы абсолютно не властны. И Марта сейчас отчетливо это сознавала.

Айона

08:05. *Хэмптон-Корт – Ватерлоо*

Прежде Айона никогда не страдала от писательского ступора. Совсем даже наоборот. Обычно ей приходилось обуздывать слова, притормаживать их поток. Но после *того разговора*, произошедшего неделю назад, слова, раньше лившиеся свободно, теперь появлялись с превеликим трудом, маленькими группками, а когда наконец попадали на бумагу, Айона вскоре безжалостно их вычеркивала. Всякий раз, написав абзац, она смотрела на него и думала: «Является ли это БУРЛЯЩИМ? Достаточно ли здесь ДУХА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ?» Сейчас ей, как никогда, требовались писательский талант и уверенность, а они вдруг самым предательским образом сбежали от нее.

Айона подумывала, не попросить ли помощи у кого-нибудь из коллег, родившихся на стыке тысячелетий, но, наверное, и они тоже, подобно Марине, считали ее динозаврихой и втайне надеялись, что она уйдет из журнала и сменит офисную одежду на типичный гардероб престарелых женщин: бежевые слаксы на резинке и туфли без каблучков. Тогда в офисе появится дополнительный «горячий» стол. И потом, просить о помощи в работе означало расписаться в собственной слабости, чего она сейчас никак не могла себе позволить.

Потягивая чай, Айона разглядывала пассажиров, вошедших на станции Нью-Малден. Среди них был и Санджей, героический медбрат, который на прошлой неделе спас жизнь одному неблагодарному придурку-женоненавистнику. Парень сел напротив Айоны. Они кивнули друг другу и смущенно улыбнулись.

Айона ощущала растерянность, не зная, что в данном случае является правильным с точки зрения норм этикета. Ее недавний «обмен любезностями» с Пирсом служил впечатляющим примером пагубности каких-либо попыток общения с незнакомыми людьми в поезде. Потому-то и существовали неписанные правила. Но Санджей был не совсем незнакомым. Их объединял трагический момент, когда оба, вопреки желанию, оказались причастными к спасению человеческой жизни. И стоит ли после этого ориентироваться на какие-то там правила хорошего тона? Боже, как трудно порой быть англичанкой.

Айона смотрела в окно на проносящиеся мимо дома с террасами и садами на заднем дворе. Кое-где вместо садика были детские качели, прудики, натянутые бельевые веревки и теплицы. И все это подсказывало, какая семья живет в том или ином доме. Уж лучше любоваться на сохнувшее белье, чем встречаться глазами с тем же Санджеем, что лишь усугубило бы ее дилемму.

Поезд замедлил ход, а затем и вовсе остановился.

Потекли минуты. Состав и не думал трогаться с места. Айона и остальные пассажиры испытывали все большее беспокойство. В тишине вагона слышались вздохи и даже стоны, постукивание пальцев по виртуальным клавиатурам мобильных и шарканье ног. Наконец из динамиков послышался металлический раздражающе бодрый голос:

– Приносим вам свои извинения за вынужденную остановку, вызванную неполадками с сигнализацией в районе Воксхолла. Надеемся, что вскоре их устранят и мы продолжим путь!

– Боже, как железнодорожное начальство беспокоится о нас, сидя в своих кабинетах, – прошептала Айона, обращаясь к Лулу и желая, чтобы так оно и было.

Интересно, а если они проторчат здесь все утро, кто-нибудь это заметит? Лулу круглыми глазами шоколадного цвета посмотрела на хозяйку и лизнула ее в нос.

Айона повернулась к Санджею. Тот барабанил пальцами по столику. Челюсти парня были настолько плотно сжаты, что вблизи уха дергалась жилка. Дышал он часто и неглубоко. Это никуда не годилось. Все-таки надо с ним заговорить.

– Санджей, вы хорошо себя чувствуете? – спросила она тем же тоном, каким обычно успокаивала Лулу, когда в парке ее девочку облаивала какая-нибудь менее вежливая собака.

Молодой человек удивленно вскинул голову, словно забыл, где находится.

– Что?.. Да, спасибо. Просто я опаздываю к началу своей смены, – сказал он.

– Уверена, мы вскоре тронемся с места, – ободрила его Айона. – И едва ли ваше опоздание станет для кого-то вопросом жизни и смерти. – Она тут же прикусила язык, поняв свою ошибку. – Простите, при вашей работе такое как раз таки вполне может быть.

Санджей неловко засмеялся:

– Я вовсе не из числа незаменимых! И я работаю на отделении онкологии. Кое-кто из моих пациентов и впрямь умирает, но не с такой скоростью. А более половины – слава богу! – остаются жить.

– В таком случае у вас нет причин для беспокойства, – подхватила Айона. – Знаете, мне вчера очень пригодились бы ваши профессиональные навыки. Я сидела на том же самом месте, что и сейчас, когда девочке-подростку стало плохо. Бедняжку вытошнило прямо на ноутбук Щеголеватого Сексиста-Сербитонца!

– Кого-кого? – не понял Санджей.

– Да вы его знаете. Это Пожиратель Винограда. Пирс. Тот, чью жизнь вы спасли. Кстати, куда это вы пропали? Я с тех пор вас ни разу не видела. Я уж начала думать, что вы были посланником небес. Хотя, окажись вы и впрямь таковым, сомнительно, что вы сочли бы необходимым вмешаться и спасти этого типа. Бывает, конечно, что людей в поезде тошнит, но в данном случае наступившее его явилось, так сказать, кармой в жидком виде.

– Я ездил в другом конце поезда. И если честно, делал это намеренно, – сказал Санджей.

– Вы меня избегали? – спросила Айона, тут же сообразив, что после недавнего столкновения с Эдом и Брендой внезапно сделалась параноиком и просто-напросто нуждается в чьей-то поддержке.

«Прекрати болтать ерунду, подруга, – мысленно одернула она себя. – Парень может сидеть там, где пожелает. А своими словами ты вообще его отпугнешь».

– Нет-нет, не вас, ни в коем случае не вас, – поспешил возразить Санджей, спотыкаясь о свои многочисленные отрицания. «Слава богу», – подумала Айона. – Я избегаю ее. Девушку-из-Поезда.

– Какую еще девушку из поезда? – уточнила заинтригованная Айона. – Это название фильма? А в чем там дело было? Она, часом, никого не убила? Нет, кажется, не убила. Я уже толком и не помню. Столько похожих фильмов.

– Я говорю про девушку, которая сидела напротив вас в то утро, когда этот человек – Пирс – подавился виноградиной.

Айона нахмурилась, мысленно возвращаясь к событиям недельной давности и прокручивая их в мозгу, сцена за сценой.

– Ага! – торжествующе воскликнула она, найдя нужный фрагмент. – Вы имеете в виду Очаровашку-из-Темз-Диттона?

– Вы ее так называете? – Санджей наконец-то улыбнулся. – Ей это подходит. А вы всем даете прозвища? У меня оно тоже есть?

– Конечно! – ответила Айона и лишь потом вспомнила, что про себя именовала его Подозрительно-Любезным-Парнишкой-из-Нью-Малдена.

Его предупредительность и впрямь вызывала подозрения и казалась просто социальной маской. Он неизменно уступал свое место старухам и беременным женщинам, всегда извинялся, когда ему наступали на ногу, и улыбался тепло и с искренним сочувствием. Если бы кто-то вздумал снимать психологический триллер с неожиданным сюжетным поворотом, где серийным убийцей оказывается персонаж, которого подозреваешь меньше всего, эту роль стоило бы предложить Санджею.

– Я назвала вас так: Человек-из-Нью-Малдена-Вероятно-Спасатель, – поскольку вы всегда очень внимательны к другим, – сказала Айона.

Сейчас она всю использовала навыки, отточенные десятилетиями работы со словами, которые она тщательно подбирала, передвигала во фразах туда-сюда и заменяла на более подходящие.

«Ловко вывернулась, малышка, – похвалила она себя. – Ты еще не потеряла хватку».

– А вы очень наблюдательны, – заметил Санджей.

– Да, это моя отличительная черта, – без ложной скромности подтвердила Айона. – Я редко ошибаюсь. Так почему вы решили избегать эту милую рыжеволосую девушку из Темз-Диттона?

– Это не столь уж и важно.

Санджей покраснел, как подросток, что еще больше расположило к нему Айону и разожгло в ней любопытство.

– Не таитесь, расскажите, – сценическим шепотом произнесла она и, перегнувшись через столик, потрепала парня по руке. – Я человек благодарный.

Это было не совсем правдой, но Санджею незачем знать, что в мире Айоны слово «благодарный» имеет несколько иной смысл и обозначает амбициозную цель.

Айона знала: лучший способ разговаривать кого-то – оставаться молчаливой. Окруженные тишиной, люди испытывали острую потребность чем-нибудь поскорее ее заполнить. И потому она неторопливо попивала чай и ждала. Она видела, как Санджей мучительно принимает решение. Вскоре по его лицу Айона поняла, что парень сдался и сейчас начнет рассказывать. Она победила.

– Видите ли, в тот день, когда Пирс подавился виноградной, я как раз хотел пригласить ее на свидание, но повел себя так, что девушка сочла меня полнейшим идиотом. Я впервые заговорил с ней, абсолютно невпопад... и все непоправимо испортил.

– Вы же знаете: если девушка отличается красотой, это еще не означает наличие у нее ангельского характера. Познакомившись с ней поближе, вы могли обнаружить, что она совсем не та, какой вы ее себе рисовали, – рассудительно произнесла Айона. – Например, она терпеть не может щенков или не читает ничего, кроме сообщений в «Твиттере».

– Она не только прекрасна внешне. К тому же я успел сделать еще кое-какие наблюдения. Она читает настоящие книги. Бумажные. И это совсем не «вагонное чтение». Пока мы едем до Ватерлоо, она успевает разгадать весь кроссворд из «Таймс». А когда надевает наушники и слушает музыку, то закрывает глаза, и ее пальцы летают в воздухе, словно она играет на невидимых клавишах. Она улыбается совершенно незнакомым людям, причем абсолютно искренне. Вокруг ее переносицы разбросаны веснушки, как звездочки в созвездии. И еще...

– Хватит, остановитесь! – взмахнула рукой Айона. – Больше ни слова, а то меня тоже вытошнит. Поверьте, вам это не понравится. Пока мы ехали до Ватерлоо, весь вагон пропах блевотиной. Это испортило мне чаепитие. Вот что, Санджей: вы меня убедили. Хотя сдается мне, будь у этой девицы отталкивающая внешность, никакие «закрытые глаза» и «игра на воображаемой клавиатуре» не расположили бы вас к ней. Итак, вы хотите познакомиться с красавицей поближе?

– Да! Я ведь даже не знаю ее имени! – воскликнул Санджей. – Не могу же я называть ее Очаровашкой-из-Темз-Диттона.

– Санджей, считайте, что вам повезло. Во-первых, вы мне нравитесь. Во-вторых, я перед вами в долгу, поскольку благодаря вам Пирс остался жив, и это избавило меня от угрызений совести по поводу собственной беспомощности. И в-третьих, я профессионал в этой области! – заявила Айона, сопровождая каждый пункт списка загибанием пальцев.

– Так вы сваха? – осторожно поинтересовался Санджей.

– Ни в коем случае! Я журнальный психотерапевт!

– То есть... ведете раздел, где вам плачутся в жилетку?

Айона вздохнула. Ее симпатия к парню поуменьшилась. Ну вот: начал за здоровье...

– Вот что, Санджей. В следующий раз вам всего-навсего нужно сесть вместе со мною в третьем вагоне. Остальное я беру на себя, только дайте срок.

Айона откинулась на спинку, поглаживая Лулу и улыбаясь своим мыслям. Ее бескорыстная помощь Санджею обещала превратиться в романтическую историю. Она уже предвкушала развлечение. И потом, Санджей и Очаровашка-из-Темз-Диттона – оба из поколения третьего тысячелетия. Она познакомится с ними поближе, будет наблюдать за развитием их романа и... заодно собирать материал для своей колонки. Как минимум это даст ей пищу для размышлений о модернизации собственной работы. Ей не терпелось поделиться новостью с Би. Та просто обожала романтические истории.

Поезд вздрогнул и поехал дальше, сопровождаемый коллективным вздохом облегчения.

Пирс

18:17. Ватерлоо – Сербитон

Чем усерднее Пирс старался выправить положение, тем хуже оно становилось. Он мысленно перенесся на несколько лет назад. В те дни его называли Мидасом, и каждая акция, к которой он прикасался, становилась золотом. Он чувствовал себя неуязвимым, крутым, чуть ли не Хозяином Вселенной. А сейчас все, на что он обращал внимание, превращалось в комок грязи. И проблема заключалась в его чрезмерной сосредоточенности. Он это знал. На биржевые рынки нужно входить, как в паб: спокойно, беззаботно, с намерением незаметно пробраться к стойке и поболтать с хорошенькой барменшей. Но чем серьезнее ты к этому относишься, чем больше отчаяния появлялось в твоих действиях, тем более хамским становилось поведение цифр из биржевых сводок. Вместо хорошенькой барменши появлялся угрюмый верзила, который, того и гляди, плеснет тебе в лицо пивом и выставит из паба. А сейчас Пирс относился ко всему этому слишком серьезно. Серьезнее, чем когда-либо.

К пятой платформе он двигался на автопилоте, поглядывая на свои сверкающие ботинки от «Гуччи». Эти ботинки, как и часы «Ролекс» и галстуки «Эрме», всегда придавали ему определенную уверенность. Ну разве с человеком в ботинках от «Гуччи» может приключиться что-то совсем уж скверное?

В поезд он сел за считанные минуты до отправления. Неудивительно, что вагон был полон пассажиров. Единственное свободное место, как всегда, было напротив Чокнутой Собачницы. Это все равно что место в театре, откуда почти не видно сцену. Или самый неудобный стул в доме. А он-то думал, будто сегодняшние неприятности закончились на работе. Оказалось, что нет.

Как будто жизнь не успела достаточно напакостить ему за день. И вот теперь изволь ехать рядом с этой теткой, уже осложнившей ему поездки на работу и обратно. Начать с того, что при виде ее он чувствовал себя до противного *обязанным*. То утро, когда он едва не умер, связало их воедино. А Пирсу было ненавистно чувствовать себя обязанным кому-то. Как прекрасно и просто было сознавать, что абсолютно все: и то, кем он являлся, и то, чем владел, – зависело только от него самого и больше ни от кого на свете.

Еще одной причиной, наполнявшей его сердце ужасом от подобного соседства, была ненависть, которую испытывала по отношению к нему эта женщина. Одной из величайших способностей Пирса было умение располагать к себе людей. В зависимости от обстоятельств, он, подобно хамелеону, мог предстать обольстителем, интеллектуалом, наперсником, шутком – словом, тем, кто требовался в данной ситуации. И, несмотря на все его умения, Чокнутая Собачница накричала на него. Дважды, да еще на публике. Мало того, она назвала его токсичным альфа-самцом. При других обстоятельствах Пирс счел бы это комплиментом, хотя и несколько сомнительным, но сумасшедшая тетка явно не была настроена его хвалить. И теперь она опять сердито смотрела на попутчика.

В стычках Пирс крайне неохотно капитулировал первым, но в данном случае его собственные интересы требовали поступить именно так. Ему хотелось вернуть себе прежний комфорт поездок, этот приятный «рельсовый переход» между жизнью служебной и жизнью домашней.

Честно говоря, было в этой женщине что-то интригующее. В своем элитном мире крупных финансовых операций, закрытых клубов и изысканных обедов он никогда не встречал людей, подобных этой дамочке. Она словно бы бросала ему вызов. Если он сможет расположить ее к себе, это будет означать, что он по-прежнему в форме. Вплоть до последнего времени Пирсу всегда нравилось, когда жизнь бросала ему вызов.

Пирс осторожно сел напротив Чокнутой Собачницы. Он вызвал в себе соответствующие эмоции и уже приготовился включить на полную мощность свое обаяние. Однако, хотя все необходимые слова уже выстроились в ряд, они никак не желали выговариваться, внезапно превратившись из послушных солдат в кучку воинственных бунтарей. Пирс дождался, пока молчание между ним и женщиной стало невыносимым, откашлялся и сделал новую попытку.

– Думаю, мы произвели друг на друга далеко не лучшее впечатление, – начал он. Теперь слова послушно устремились наружу. – Полагаю, на самом деле я должен поблагодарить вас за помощь, оказанную мне в то утро.

Женщина выгнула бровь. Пирсу всегда хотелось научиться этому движению, но, сколько бы он ни упражнялся перед зеркалом, его брови не желали изгибаться. Теперь к списку неприятных эмоций, испытываемых им к попутнице, добавилась еще и зависть.

– Вы так полагаете или действительно хотите меня поблагодарить? – спросила собеседница.

Пирс поежился. Последний раз в такое состояние его вогнал босс, потребовавший обосновать кругленькую сумму расходов, включая и шампанское по скандально высоким ценам, выпитое в стриптиз-клубе.

– Э-э, нет, я действительно вам благодарен. Честное слово, – заверил ее Пирс, ощущая, что и впрямь говорит правду. – Я, признаться, уже было подумал: еще немного, и мне конец.

Чокнутая Собачница наградила его еще одним суровым взглядом, но промолчала.

– Пирс Сандерс, – представился он, улыбаясь самой обворожительной из арсенала своих улыбок и протягивая ей руку, словно оливковую ветвь мира.

Однако женщина продолжала молчать, скрестив руки на своей внушительной дрябловатой груди, отчего рука Пирса нелепо повисла в воздухе.

– Не надо упрямиться, – сказал он. – Я искренне пытаюсь загладить свою вину! Хотя бы назовите свое имя. Неужели мы не можем преодолеть былую неприязнь?

– Айона Айверсон, – наконец произнесла она, неохотно протянув руку.

Он обратил внимание на длинные ногти и обилие колец. Все это впилося в ладонь Пирса. Интересно, дамочка намеренно сжала его руку так крепко, заставив поморщиться? Наверное, нет.

– Скажите, Айона, а почему вы и ваш милый песик сочли меня токсичным альфа-самцом? Я уязвлен. Seriously!

Обеими руками Пирс схватился за грудь и посмотрел на нее с задушевностью щенка лабрадора. Этот взгляд он использовал, чтобы попросить какую-нибудь практикантку забрать его вещи из химчистки или сходить за сладкими пончиками. Увы, те идиллические времена миновали. Нынче такая вполне невинная просьба была чревата вызовом в отдел кадров.

– Просто мне знаком подобный типаж, – ответила Айона, упорно не желая оттаивать.

– Да? И что же, интересно, у меня за типаж? – Произнося последнее слово, он изобразил в воздухе кавычки, сделав это несколько агрессивно.

– Вы и правда хотите узнать? Что ж, извольте! Это мужчина, который пользуется этими раздражающими воздушными кавычками. Который говорит слишком громко, сидит, широко расставив ноги, а с женщинами разговаривает снисходительно-поучительным тоном. Мнит себя лучше других и судит всех сообразно их стоимости, считая накопление денег самым важным делом в жизни. И еще думает, что с помощью фальшивого обаяния может выпутаться из любой ситуации...

– Прекратите! – не выдержал Пирс. Он не ожидал, что список окажется таким длинным. Хотя, чего греха таить, на самом деле ожидал и кое с чем даже был согласен. – Послушайте, вы же меня совсем не знаете. Я бы мог упрекнуть вас в распространении отвратительных стереотипов. Я, вообще-то, совсем не такой, каким вам кажусь.

– Что ж, удивите меня, – запальчиво предложила Айона.

Боже, он угодил прямо в ловушку. В жизни Пирса было больше удивительных фактов, чем он соглашался признать. Но на протяжении десятков лет он никому о них не рассказывал и не собирался делать это сейчас.

Из своей безразмерной сумки Айона достала большую серебряную фляжку и стакан. Похоже, ее сумка была таким аналогом фантастического «ТАРДИСА», где имелись напитки на все случаи жизни и бог знает что еще. Он бы не удивился, если бы следующим предметом, извлеченным оттуда, оказался световой меч. Или волшебная палочка.

Пирс перебирал возможные ответы на вызов Айоны, пытаясь найти наиболее приемлемый вариант между слишком очевидным и слишком личным. Одновременно в мозгу крутилась мысль: «Кем же является моя попутчица? Рыцарем-джедаем или верховной ведьмой?» Наверное, ведьмой, поскольку Пирсу вдруг отчаянно захотелось раскрыться перед нею. Он вполне мог рассказать совершенно незнакомой женщине обо всем, что делал. Возможно, это стало бы исповедью и своего рода освобождением, удалив ядовитое варево секретов, которые бурлили у него внутри, отравляя все. А может, это толкнет первую костяшку в проклятой цепи жизненного домино. Все сооружение повалится, и еще неизвестно, чем это кончится. Наконец Пирс решил сказать попутчице правду. Конечно, не всю правду. А лишь то, с чего все началось.

– Я ненавижу свою работу, – произнес он. – Это не преувеличение. Я действительно ее ненавижу.

Лицо Айоны немного потеплело, и там появилось подобие улыбки.

– Итак, вы выиграли, – сказала она. – Я совсем не ожидала услышать такое. И кем же вы работаете?

– Торгую фьючерсами на бирже в Сити. Вы знаете, что это значит?

– Да. Это означает высокомерного и самоуверенного кидалу. Нет! Главное забыла. Это означает *богатого*, высокомерного и самоуверенного кидалу, – уточнила Айона.

Пирс решил пропустить ее слова мимо ушей. И потом, он часто слышал подобные эпитеты.

– Когда-то я любил это занятие, но... теперь больше не люблю.

Пирс настолько привык к замалчиваниям и уклончивым ответам, что честность сказанного оставила на его губах какой-то странный привкус. Пожалуй, он рассказал о себе слишком много. Он быстро вернул тему разговора к попутчице.

– А вы, Айона, любите то, чем занимаетесь?

– Да. Очень люблю. Больше всего на свете... конечно, за исключением Би, – ответила она и снова прижала руки к груди, сверкнув самым вульгарным из своих колец, которое недавно оставило вмятину на ладони Пирса.

Крупный рубин в этом кольце вспыхнул, отбрасывая красные пятна на оконное стекло и делая его отвратительно похожим на место недавно совершенного преступления.

– За исключением Би? – переспросил Пирс.

– Это моя жена, – пояснила Айона. – Мы вместе уже тридцать пять лет. Поженились сразу же, как такие браки стали законными. Би – любовь всей моей жизни. А вы женаты?

– Да. Мою супругу зовут Кандида.

– Ничего себе! Это же... грибок, который вызывает молочницу! – воскликнула Айона.

– Можно подумать, что называться Би лучше! «Би-би» – не имя, а автомобильный гудок, ха-ха-ха! Вообще-то, на самом деле Кандида – это имя древней святой, – пояснил Пирс, повторив слова, которые часто слышал от жены. В переводе с латыни, между прочим, означает «белоснежная».

– Тогда это какая-то расистская молочница. И почему это, интересно, белый цвет является синонимом чистого, невинного, девственного, тогда как черный символизирует враждебность и депрессию?

Айона сердито посмотрела на Пирса, словно это он изобрел язык.

Поезд замедлил ход. Никогда еще Пирс так не радовался, увидев проплывающие за окном буквы «СЕРБИТОН».

Подходя к вокзальной стоянке, он нажал кнопку на брелоке, заставив свой автомобиль «порше-каarrera» мигать фарами и всеми сигнальными огнями. Пусть прохожие видят: это идет *успешный человек*.

Пирс думал о правде, которую ненароком выплеснул в вагоне. Когда же он начал ненавидеть свою работу? С какого года, с какого месяца? Этого Пирс не знал. Все это проникало в него постепенно и касалось не только работы, а и всего образа жизни, личности, системы убеждений. И опутывало его изнутри, словно щупальца гигантского паразита, которого невозможно удалить, не убив одновременно и хозяина. Если теперь он больше не был биржевым торговцем, тогда кто же он такой?

Его работа имела несомненные плюсы. Без неправдоподобно высокой зарплаты и бонусов, к которым Пирс успел привыкнуть, он бы не смог ежемесячно вносить плату за «порше», не говоря уже об ипотечном кредите за дом. Два года назад они переехали из Уимблдона в менее престижный Сербитон, поскольку Кандиде захотелось иметь бассейн, теннисный корт и отдельное жилье для гувернантки.

Со сменой карьеры кое-что стало бы Пирсу не по карману. Вернее, кое-кто. Его жена. Подобно элитным автомобилю, костюму и часам, Кандида была символом статуса. Жена-приз. Доказательство того, что у него все получилось; вишенка на торте его новой, впечатляющей жизни.

А теперь вишенка затвердела, став куском цемента. Ловушкой, удерживавшей Пирса в той жизни, которая успела ему опостылеть.

Айона

Айона хорошенько подышала на пластинку, протерла ее рукавом и опустила на диск проигрывателя.

– Дорогая, ты помнишь эту песню? – спросила она, обращившись к Би.

– Долли Партон. Слушая ее, я всегда вспоминаю вечер, когда ты впервые получила работу в журнале. В каком мюзикле я была тогда занята?

– В «Отверженных», – подсказала Айона, беря Би за руку и кружа ее в такт музыке. – Третья проститутка и случайная гостя на свадьбе. В антракте я проникла за кулисы, и мы в гримерной праздновали мою новую работу. Помнишь?

– Еще бы не помнить! Мы с тобой занимались любовью за стойкой, увешанной французскими мундирами. В свадебной сцене я пропустила свою реплику, отчего вся хореография пошла коту под хвост!

Би запрокинула голову и засмеялась, превратившись на мгновение в ту женщину, какой она была около тридцати лет назад.

Покупка дома оставила обеих на мели, и потому Айона не могла поверить своему счастью, когда ей предложили за деньги ходить на разные торжества и затем писать про это. Хобби, на которое она тратила почти все время, неожиданно превратилось в профессию.

– А помнишь, как мы с несколькими девицами из труппы отправились на обед? – спросила Айона. – Я тогда забралась на стойку бара и выплясывала. Каблучки у меня были шесть дюймов. И хористки из «Отверженных» пели «С девяти до пяти». Помнишь?

Айона говорила, а Би умело кружила ее в танце. Танцуя, они никогда не могли договориться, кто кого ведет.

Разумеется, Долли пела о жизни, длящейся с девяти утра до пяти вечера, тогда как Айона работала преимущественно с девяти вечера и до пяти утра. Сколько энергии у них было в те дни! Правда, они и спали тогда до полудня, а то и дольше.

– Я тут взялась наводить порядок в ящиках письменного стола, – сказала Айона. Она разжала руки. Долли закончила петь, и оркестр доигрывал завершающие аккорды песенки. – Ты не представляешь, что я там нашла. – Сунув руку в сумку, она достала серебристую прямоугольную коробочку. – Смотри!

– Так это же Диктатор! – воскликнула Би.

Журнал выделил Айоне служебную машину с водителем, который возил их с Би по вечеринкам, а под утро доставлял домой, в Ист-Моулси. Диктофон всегда лежал рядом с ними на заднем сиденье машины. Покинув вечеринку, Айона и Би записывали на миниатюрные кассеты все услышанные сплетни, а также свои впечатления о гостях и торжестве в целом. Айона прозвала диктофон Диктатором. Для журнальных статей ей требовалось как можно больше подробностей, а они быстро забывались, тем паче что после выпитого у них с Би заплетались языки и обеим ужасно хотелось поскорее оказаться дома и завалиться спать.

– У тебя остались пленки? – спросила Би.

– Думаю, большинство отправилось в журнальный архив, но одну я нашла. Девяносто третий год. Хочешь послушать?

Би кивнула. Она уселась в кресло и скинула туфли. Айона прищурилась, нашла кнопку воспроизведения и нажала на нее.

«Итак, мы только что покинули торжество по случаю открытия возрожденного ресторана „Квальино“, – услышала она собственный голос. Казалось, он звучал из другого мира. Наверное, так оно и было. – Говорят, Теренс Конран ухлопал на реновацию целое состояние. Дорогая, сколько он потратил?»

«Точно не знаю. Но наверняка миллионы. Или даже миллиарды. Словом, тьму-тьмушую денег», – послышался ответ.

– Так это же я! – пискнула Би.

– Естественно, ты. Тише! Давай слушать дальше.

«А кто там был?» – послышался мужской голос.

– Твой водитель! Как его звали? – спросила Би.

– Даррен, – пояснила Айона.

«Там были ВСЕ, – ответила молодая Айона, – но большинство сплетен касалось тех, кто там НЕ БЫЛ. Мы ждали появления принцессы Ди, но она так и не приехала. По слухам, она жутко разозлилась на журналистов из „Дейли миррор“ за публикацию ее снимков из спорт-зала».

«И ей есть на что злиться, – вставила молодая Би. – Она же упражнялась на снаряде для снижения веса. На том, что позволяет работать над внутренними частями ляжек. Ох, Даррен, видел бы ты ее промежность! И не скажешь, что принцесса!»

«Дорогая, промежности есть даже у принцесс. Ее засняли в трико и эластичных шортах. Да уж, отнюдь не Шарон Стоун в „Основном инстинкте“. Но я все равно не понимаю, чем это помешало ей появиться на столь знаменательном событии», – сказала молодая Айона, которой, по мнению Айоны нынешней, не хватало умения проявлять эмпатию.

«А что вы там ели?» – продолжал допытываться Даррен.

Он всегда был трезвым и до противного ответственным. Айона подозревала, что журнал специально проинструктировал водителя по части таких вопросов, чтобы они с Би не забыли поведать Диктатору все важные подробности.

«Громадные блюда с дарами моря! – ответила молодая Айона. – Креветки, лобстеры, крабы, устрицы. И все – в ледяной крошке. Я отвела душу, наевшись до отвала. А тебе понравилось, Би?»

«Не особенно. Слишком много ног, за исключением устриц, у которых их вообще нет», – заявила молодая Би, заставив нынешнюю Би хмыкнуть.

Айона остановила запись, поскольку Долли уже запела другую песню. Она подошла к креслу, подняла Би на ноги, крепко обняла и уткнулась подбородком ей в плечо.

– Дорогая, они собрались меня уволить, – сказала Айона, произнося слова куда-то в пространство за спиной Би.

– Да как они смеют, черт их побери? – спросила та. Айона почувствовала, как у любви ее жизни от негодования напряглись все мышцы на спине. – Ты же звезда их журнала!

– Была когда-то, но теперь... погасла, – вздохнула Айона.

– Ты всегда будешь моей звездой, – возразила Би. – Всегда. Самой яркой звездой на небе. Как называется самая яркая звезда?

– Сириус.

– Так вот, ты будешь моим Сириусом, – сказала Би.

– Сириусно? – пошутила Айона, еще крепче обняв Би и заставив себя рассмеяться, чтобы не расплакаться.

Санджей

08:19. Нью-Малден – Ватерлоо

Едва войдя в поезд, Санджей услышал пронзительный свист. Но это свистел не кондуктор в свой свисток. Для такого свиста нужно вложить два пальца в рот и хорошенько дунуть, как фермер, который подзывает овчарку. Санджей и другие пассажиры в вагоне дружно обернулись в поисках источника свиста. Им оказалась Айона. Она размахивала руками, подзывая парнишку к себе.

У Санджея забурило в животе, ибо, как и две недели назад, в то «виноградное» утро, рядом с Айонкой сидела Девушка-из-Поезда. Вот он, его шанс. На этот раз он не оплошает.

Санджей направился к ним, изо всех сил стараясь двигаться непринужденно, отчего следил за движением каждой мышцы тела.

Как всегда, Девушка-из-Поезда держала книгу с торчащей из нее кожаной закладкой. Чувствовалось, что с книгами она обращалась бережно, не позволяя себе загибать страницы или, хуже того, мять и ломать переплет.

– Доброе утро, Айона! – поздоровался Санджей, изображая невозмутимого Джеймса Бонда, приветствующего мисс Манипенни.

– Санджей, дорогой, – ответила Айона, пересаживая любимицу к себе на колени, – садитесь. Лулу совершенно не против того, чтобы уступить место героическому медбрату. Правда, моя милая? Так она научится делиться с другими. Кстати, Лулу, это называется «горячий стул». Такие вот дела, – сказала она собачке, которая вовсе не обрадовалась переменам.

Молодой человек сел на освободившееся место и попытался привести хотя бы в относительный порядок свои мысли, напоминая стадо испуганных овец.

– Санджей, познакомьтесь. Нашу попутчицу зовут Эмми. Ее имя пишется с двумя «м», – продолжала Айона, указав на Девушку-из-Поезда. Итак, у нее появилось имя. – Почти палиндром, но не совсем.

«Что еще за палиндром?» – подумал Санджей. Слово было похоже на название лекарства, но ему такие лекарства не встречались.

– А я вас помню! – сказала Эмми и улыбнулась, отчего на щеке появилась ямочка. Сегодня ее волосы были завязаны в пучок, но несколько прядок выбивались. – Вы тот удивительный медбрат, что спас пассажира, который чуть не умер прямо у меня на глазах!

Санджей почувствовал, что краснеет. Он попытался пробудить в себе вибрации героя, но, похоже, сейчас больше напоминал смущенную мисс Манипенни, нежели невозмутимого Бонда.

– Не правда ли, он действовал просто потрясающе? – спросила Айона, словно гордая мамаша, чье чадо участвовало в рождественской постановке. – Санджей, Эмми занимается рекламой в Интернете. Она продлевает всевозможные умные штучки с сайтами и соцсетями, продвигая крупные бренды, которые хотят завоевать внимание молодежи.

И Айона выразительно посмотрела на парня. «Теперь ваша очередь сказать что-нибудь интересное», – говорил ее взгляд.

– Надо же, – пробормотал Санджей.

– В общем-то, моя работа по значимости не идет ни в какое сравнение с вашей, – заметила Эмми. – Вы ведь спасаете человеческие жизни. Я видела это своими глазами. Вы действовали так спокойно и сосредоточенно. Я же просто мотивирую потребителей, чтобы они покупали больше стирального порошка или туалетной бумаги. Представляю, какое удовлетворение испытываете вы, помогая людям, правда?

– Да, пожалуй, – кивнул Санджей.

Молодой человек пытался отыскать в памяти подходящий случай из своей практики, где он предстал бы сильным и заботливым. Героическим, но скромным. Он уже приготовился заговорить, как вдруг глаза Айоны округлились, и она задержала головой. Никак у нее припадок? Нет, она пыталась что-то ему сообщить. Санджей беспомощно воззрился на спутницу, пытаясь разгадать этот шифр движений. Айона явно старалась помочь бедняге, но ее усилия лишь усугубили его волнение.

Почувствовав резкий удар в лодыжку, Санджей вскрикнул и недовольно посмотрел на попутчицу. Та, еще сильнее выпучив глаза, кивала головой в сторону окна. Санджей повернулся направо. До этого он даже не видел мужчину, сидевшего рядом с ним: отчасти потому, что смотрел на Эмми, а отчасти из-за невзрачности самого пассажира.

Санджей давно заметил, что в вагонах ездит «костюмная бригада»: юристы, банковские служащие, финансисты и так далее, склонные одеваться более или менее одинаково. Все они носили серые или темно-синие костюмы, одноцветные или полосатые рубашки спокойных тонов и ботинки броги. Некоторые пытались выделиться, блеснуть оригинальностью или индивидуальностью, надевая галстуки с замысловатым узором, носки с яркими полосками или дизайнерские запонки, словно бы желая заявить окружающим: «Я интереснее, чем вы думали». Но только не этот пассажир. Он явно не был поклонником диковинных галстуков. И одевался так, будто хотел полностью слиться с толпой. Большинство мужчин с возрастом приобретали характерные черты внешности: носы картошкой, желваки или волосатые уши. У этого человека не было ничего подобного. В нем вообще не было абсолютно ничего примечательного или запоминающегося.

Только сейчас Санджей заметил открытую коробку для ланча, стоявшую перед его соседом. Там лежали сэндвич, банан и плитка шоколада. Неужто еще существуют коробки для ланча? Неужели людям мало сети магазинов и ресторанов быстрого питания? В слегка подрагивающей руке пассажир держал клочок бумаги, на который и смотрел, буквально разинув рот.

Айона снова ткнула Санджея ногой в лодыжку и, кивком указывая на бумажку, прошептала громче, чем намеревалась:

– Что там такое НАПИСАНО?

– Вам помочь? – вдруг спросил мужчина.

У Санджея его вопрос вызвал оторопь, зато Айона ничуть не смутилась.

– На самом деле я подумываю, не нужна ли вам моя помощь, – сказала она. – Я вижу, как вы зависли, уставившись на эту бумажку.

Айона протянула руку, и, к удивлению Санджея, незнакомец передал листок ей.

– «Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ ЭТО ДЕЛАТЬ», – вслух прочитала Айона. – Ваш сэндвич вызывает о помощи. Неудивительно, что вы ошалело смотрите на него.

– Скорее этот крик души исходит от моей жены, – вздохнул мужчина.

– Должно быть, ей всерьез осточертело делать вам сэндвичи, – включилась в разговор Эмми.

Рука девушки на столике находилась так близко от руки Санджея, что он улавливал тепло ее кожи.

– Дорогая, думаю, дело тут не просто в нежелании готовить ланчи: наверняка корни проблемы уходят глубже, – сказала Айона. – Меня зовут Айона Айверсон, а это Эмми и Санджей. Позвольте узнать ваше имя.

– Дэвид Харман, – представился попутчик.

– Должно быть, вы недавно стали ездить на этом поезде? Прежде я вас не видела.

– Нет, я езжу на нем постоянно, в течение многих лет, – возразил Дэвид. – И кстати, частенько вижу вас.

– Черт побери, какая же я невнимательная, – смутилась Айона.

Санджей впервые видел ее ошеломленной, но Айона быстро взяла себя в руки.

– Дэвид Харман, а вам известно, что ваша жена чувствует себя несчастной?

Похоже, что теперь, когда Айона нарушила все правила поведения в пригородном поезде, ее уже было не остановить. Она вдруг ощутила вкус к вмешательству в личную жизнь другого человека. Санджей чувствовал, что пассажиры вокруг только делали вид, будто читают газеты или слушают музыку. На самом деле они жадно ловили каждое слово. Неужто Айона сделала их с Эмми участниками вагонного реалити-шоу?

– Нет, неизвестно! Правда, наши отношения некоторым образом... зашли в тупик, – ответил Дэвид. – Но мы женаты почти сорок лет! В нашем возрасте уже нет ни пылкости, ни страсти, правда? – Он умолк и задумался. – А ведь я еще по граноле должен был догадаться, что с Оливией что-то не так.

– По граноле? – переспросила Айона.

– Да. Мы почти десять лет едим на завтрак одно и то же. У меня это ломтик поджаренного цельнозернового хлеба и яйцо всмятку. Хлебец я мажу спредом с пониженным содержанием холестерина. Оливия всегда завтракала хлопьями «Витабикс». По выходным я добавляю тонкий ломтик копченой семги, а жена – банан, разрезанный на несколько частей, и немного меда.

«Ну и к чему нам знать такие подробности? – недоумевал Санджей. – Неужели мы обречены выслушивать в режиме реального времени обо всем, чем занимается Дэвид на протяжении недели?»

– И вот, – монотонно продолжал Харман, явно обделенный талантом рассказчика, – пару дней назад жена вдруг переключилась на гранолу. Без каких-либо причин. Похоже, от гранолы до грядущего развода – всего один шаг, согласны? Держу пари, что производители гранолы напечатали это мелким шрифтом где-нибудь на упаковке, но так, чтобы не бросалось в глаза.

Он тяжело выдохнул и привалился к спинке сиденья, словно получил сильный удар под дых. В каком-то смысле так оно и было.

– Вот что я вам скажу. Прежде чем затевать судебную тяжбу с производителями гранолы и подозревать худшее, попробуйте поговорить с женой. Не удивлюсь, если вы давно пропускаете ее слова мимо ушей. – Айона сердито смотрела на Дэвида, хотя бедняга менее всего нуждался сейчас в ее гневном взгляде. – Мы – «женщины в определенном возрасте» – просто хотим, чтобы нас видели, слышали и считались с нашим мнением. Нам нужно знать, что наши требования не относятся к разряду неуместных или чрезмерных.

Похоже, Айона слишком близко к сердцу приняла историю с женой Хармана, отнеся ее и на свой счет.

– Вы консультант по вопросам брака? – спросил Дэвид.

– Айона – журнальный психотерапевт, – ответил за нее Санджей и, не дав Дэвиду вымолвить ни слова, добавил: – Профессионал. Не какая-нибудь тетушка, которой плачутся в жилетку.

– Так оно и есть, – согласилась Айона.

Кажется, она собиралась сказать что-то еще, но тут по вагонной трансляции объявили, что поезд прибывает на вокзал Ватерлоо.

Пассажиры заторопились к выходу. Когда Санджей поднял голову, Эмми была уже возле самых дверей. Словно почувствовав, что Санджей смотрит на нее, девушка обернулась и помахала ему. Ее губы шевельнулись. Наверное, она произнесла «Удачного дня» или что-то похожее.

– Санджей. – Судя по тону, Айона не сердилась на него, но была разочарована. – Вам нужно проявить больше старания. Не могу же я делать все одна.

Целый день, как только возникал хоть малейший перерыв в общении с пациентами и выполнении служебных обязанностей, Санджей прокручивал в голове события утра, со стыдом вспоминая свои неуклюжие «Надо же» и «Да, пожалуй». Айона была права. Неужели он не

мог активнее поддержать разговор? Наверняка смог бы, если бы ему не спутал все карты этот странный пассажир с «говорящим» сэндвичем. Имя попутчика он успел забыть.

В приемной Санджей увидел Джулию Харрисон, чьи проблемы были гораздо серьезнее, чем его собственные.

– Джулия, как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Вы даже запомнили, как меня зовут, – улыбнулась она. – Санджей, мне страшно.

Джулия пришла вместе с мужем, который выглядел еще более испуганным. В руках он держал раскрытую газету, но медбрат видел: ему сейчас явно не до чтения. Взгляд бедняги упирался в невыразительную стену приемной.

– Понимаю, что вам страшно, – сказал Санджей, беря пациентку за руку. – Ожидание – самое худшее. Когда известно, с чем имеешь дело, можно составить план, и ситуация становится более управляемой.

– И вообще, все может оказаться ложной тревогой. Допустим, обнаружат кисту или что-то в этом роде, как у моей подруги Салли, – добавила Джулия, умоляюще глядя на Санджея, словно он имел силу исполнить ее желание.

Он бы очень хотел, чтобы это было в его власти.

– Да, конечно, такое вполне может быть, – ответил Санджей, прекрасно понимая, что на самом деле положение гораздо хуже.

Он уже знал правду, поскольку заглянул в лоток с историями болезни, подготовленными для консультанта. Диагноз звучал устрашающе: у Джулии обнаружили трижды негативную инвазивную протоковую карциному третьей стадии. Еще в колледже Санджея поразило невероятное разнообразие видов злокачественных опухолей. Подобно вирусным инфекциям, варьирующим от простуды до лихорадки Эбола, злокачественные опухоли имели самый широкий спектр: от сравнительно легко поддающихся лечению до таких, которые способны убить больного за считанные недели. Рак, обнаруженный у Джулии, находился ближе к трагической оконечности спектра.

– Побываете у консультанта, а потом мы еще поговорим. Я вас разыщу, – пообещал Санджей.

Гостиная была занята группой плачущих родственников какого-то пациента, и потому Санджей нырнул в кладовку. Прислонившись к стене, он постепенно сполз на пыльный пол. Он сидел рядом с костылями, уперев голову в колени и жадно глотая воздух. Его лоб покрылся потом.

При таких состояниях ему часто помогали слова. Они успокаивали и отвлекали. Санджей стал мысленно повторять названия элементов таблицы Менделеева, перечисляя их в порядке возрастания атомной массы: «Водород, гелий, литий, бериллий, бор, углерод, азот...» Когда он дошел до тридцать седьмого элемента, находящегося в третьем ряду таблицы, – а это был довольно интересный, но незаслуженно обойденный вниманием рубидий, – его мысли перестали метаться, дыхание успокоилось, а сердце уже не колотилось так бешено.

Эмми

– Присаживайтесь, Эмми, – произнес ее босс Джоуи.

Выдвинув стул, она села между Джен – своей доброй подругой и любимым копирайтером, и Тимом – недавно появившимся у них практикантом: пустоватым парнем с вечно всклокоченными волосами. У Тима имелся блокнот с логотипом отцовской компании, куда он заглавными буквами записал ее имя с одним «м». В блокноте уже красовались имена Джоуи и Джен, тоже написанные крупно. Эмми едва удержалась от желания взять ручку с красной пастой и добавить недостающую букву.

Благие побуждения Тима не компенсировали его полнейшей непригодности к рекламной деятельности, но в фирме всем приходилось обхаживать парня, поскольку его отец был крупным производителем туалетной бумаги и их главным клиентом. На прошлой неделе Тим выдал рекламу с заголовком, где стояло притяжательное местоимение, делавшее заголовок весьма двусмысленным и даже скабрёзным. Джоуи лишь натянуто улыбнулся и посоветовал парню набираться опыта. Любой другой, допустивший подобную ошибку, был бы обречен целую неделю, а то и больше, бегать за кофе и булочками для сотрудников.

– На следующей неделе к нам придут представители «Хартфорд фармасьютикалс» для обсуждения запуска новейшего бренда. Они заблаговременно прислали информационный пакет, чтобы мы могли действовать надлежащим образом, достаточно оперативно включившись в работу по созданию упреждающих креативных концепций, направленных на определение целевой аудитории и наращивание ее ожиданий относительно нового продукта.

«Неужели наш босс и дома говорит подобным языком? – удивилась про себя Эмми. – „А ну-ка, дети, действуйте оперативно и надлежащим образом включайтесь в потребление хрустящих рисовых шариков. Проанализируем руководящие указания в сфере питания и определим парадигму завтрака“».

Джоуи подался вперед и вытряхнул на стол содержимое пластикового мешка. Он оглядел сотрудников, явно разочарованный тем, что никто из них не вскочил на ноги и не заплотировал.

– БАД для похудения, – пояснил он. – Пока без названия. Это наше задание. Будем продвигать диетические таблетки, которые обещают удалить лишние фунты веса и создать идеальное тело.

Тим записал в блокноте «ДИИТИЧЕСКИЕ ТАБЛЕТКИ» и жирно подчеркнул.

– Ну-ка, ну-ка! Да это же святой Грааль! – воскликнула Джен. Взяв блистерную упаковку с таблетками, она выдавила пару штук и проглотила, запив переслащенным фраппучино. – Может, они хоть что-то сделают с моей задницей.

– У тебя потрясающая задница, – в сто двадцатый раз повторила подруге Эмми. – Ты ненавидишь ее под влиянием консервативных настроений, которые царят в обществе.

– Неправда. Я ненавижу свои ягодицы из-за целлюлита.

Том записал в блокноте «КОНСЕРВАТИЗМ» и «ЦИЛЮЛИТ».

– Могу поспорить, что эти таблетки совсем не действуют, – сказала Эмми. – Смотри, что тут написано: «Препарат вызывает потерю веса, будучи составной частью диеты, контролирующей потребление калорий». Если постоянно считать калории, то будешь худеть от чего угодно. Разве не так?

– Эй, молодежь, угомонитесь! – велел Джоуи, который был всего на пять лет старше Эмми. Самому старшему в их фирме еще не исполнилось и сорока. И куда это, интересно, подевались рекламщики среднего возраста? – Нам всего лишь нужно обеспечить качественное и безупречное интернет-присутствие, цифровую рекламу по всем социальным сетям, таргетированную на девушек, следящих за своей фигурой. Через лидеров мнений мы запустим агрес-

сивную рекламную кампанию. Что-то вроде: «Я чувствовала себя ужасно толстой и ненавидела свою фигуру, но потом в один прекрасный день нашла в этой коробочке ответ на свои молитвы. Теперь у меня фигура, о которой я всегда мечтала, и рядом со мной – мужчина моей мечты, которого я достойна». Все предельно просто.

– Джоуи, вы шутите? – не выдержала Эмми. – Какова цель предлагаемой вами рекламной кампании? Заставить женщин, которые и так недовольны своей фигурой, еще сильнее разочароваться в себе, причем беспричинно?

– Простите, если это вас задевает, – произнес Джоуи и сам принял слегка обиженный вид, – но не в этом ли заключается суть нашей работы? Мы высвечиваем проблему и предлагаем решение. Мы продаем мечту, за что нам и платят.

– Это вовсе не продажа мечты! Это продажа стыда и недовольства собой. Скажу вам честно, Джоуи, мне некомфортно работать над таким проектом, – заявила Эмми.

Босс вздохнул:

– Эмми, если вы столь щепетильны и совестливы, то за каким чертом вас вообще понесло в рекламу? Но хорошо, что вы вовремя предупредили. Меньше всего мне хочется, чтобы наш самый выгодный и платежеспособный клиент столкнулся с тем, кто святее папы римского. Можете поменяться местами с Софи и взяться за рекламу зубной пасты. Надеюсь, Софи окажется не настолько...

Эмми внутренне сжалась, приготовившись услышать самый нелестный эпитет.

– ...хрупким созданием, – как и ожидалось, закончил Джоуи.

Тим взял карандаш и старательно вычеркнул в блокноте ее имя.

Встав, Эмми вышла из кабинета, сознавая: она только что растратила изрядную часть благосклонного отношения начальства. А ведь это капитал, который накапливался месяцами напряженной работы. В команде Джоуи она считалась одним из самых результативных сотрудников, но даже ей не позволялось долго испытывать терпение босса. Из рекламы зубной пасты нужно сотворить настоящий шедевр, иначе она окажется первой в списке на следующее сокращение штатов. Или «прореживание», как называл это Джоуи.

Ей вспомнилась утренняя поездка в поезде и новая встреча с Санджеем – медбратом, который пару недель назад спас одного пассажира, подавившегося виноградной. Что бы этот парень подумал о ней, узнав, чем она занимается дни напролет, изыскивая способы сперва усугубить у людей комплексы, а затем продать им бесполезные и ненужные решения проблемы? Хотя вряд ли Санджей вообще тратит время на подобные размышления; наверняка его голова занята более важными вопросами, связанными с жизнью и смертью пациентов.

Эмми пошла в рекламу, решив, что это работа для молодых: творческая, увлекательная и динамичная. В общем-то, так оно и было. По большей части Эмми любила свою работу. Но она никак не думала, что порой будет чувствовать себя грязной обманщицей. И все же у нее оставался план, который она намеревалась претворить в жизнь. Надо привлечь клиентов, которые всерьез делают *добро*, и это позволит ей восстановить самоуважение. Защитники окружающей среды, продовольственные банки⁴, приюты для животных. Разве мало благотворительных организаций, которым нужна помощь успешного и креативного рекламного агентства?

Просто ее временно выбило из колеи и лишило уверенности то дурацкое письмо. Во всяком случае, оно оказалось первым и последним. Несколько дней подряд Эмми с опаской открывала электронную почту, ожидая увидеть новое язвительное послание, но ничего такого, к счастью, не было.

Ее мобильник подал сигнал. Она потянулась за телефоном, ожидая увидеть ободряющее послание от Джен, которое подруга украдкой отправила с собрания, откуда Эмми только что

⁴ Продовольственный банк – некоммерческая благотворительная организация, которая занимается сбором пищевых продуктов от производителей и поставщиков и передачей их нуждающимся.

ушла. Однако эсэмэска прилетела с незнакомого номера. Еще не открыв сообщение, Эмми уже догадывалась, от кого оно.

СЧИТАЕШЬ СЕБЯ СЛИШКОМ УМНОЙ?

НО МЫ-ТО ВСЕ ЗНАЕМ, ЧТО ТЫ – ДУТАЯ ФИГУРА.

Телефон выпал из пальцев Эмми. Она нагнулась за ним и еще раз осмотрела помещение офиса, словно бы ища подсказки. Кто отправлял анонимки? Кто так сильно ее ненавидел? Кто трусливо, исподтишка, травил ее?

Кто это? —

липкими от пота пальцами набрала Эмми, напрочь позабыв про совет, который сама всегда давала клиентам, которых задолбали тролли: «НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ НА ПРОВОКАЦИИ». Легко сказать, а попробуй-ка последовать этой рекомендации. Ответ не заставил себя долго ждать. На экране мобильного появилось одно-единственное слово:

ДРУГ.

Разумеется, написавший это вовсе не был ее другом или подругой. Но ведь он не был и незнакомцем с улицы. Этот человек знал ее электронный адрес и номер мобильного телефона, а также видел, в какой одежде Эмми приходит на работу.

Нужно было удалить оба сообщения и загнать номер в «черный список». Но случилось гораздо худшее: эти слова успели проникнуть ей в подсознание и теперь нарывали там, как гнойник.

Эмми всегда удивлялась своим успехам, втайне считая их результатом везения и тревожась, что однажды эта полоса удач может закончиться.

Похоже, так оно и случилось.

Айона

08:05. *Хэмптон-Корт – Ватерлоо*

Айона была так поглощена чтением писем, пришедших в рубрику «Спроси Айону», что даже не заметила Эмми, пока та не села напротив.

– Ой, бумажные письма! – воскликнула девушка. – Я думала, что их теперь уже не пишут.

– Да, в основном так и есть, – отозвалась Айона. – К сожалению. Но вот что странно: когда люди обращаются к журнальному психотерапевту, то прибегают к традиционным письмам. Наверное, письма на бумаге кажутся им более личными, что ли, и вызывающими больше доверия, чем послания, отправленные по электронной почте. Знаете, я даже по почерку могу многое сказать о человеке. Он ведь передает не только характер, но также эмоциональное и ментальное состояние пишущего.

– И о чем вам говорит этот почерк? – заинтересовалась Эмми, кивком головы указывая на письмо в руке Айоны. – Можете рассказать?

Айона еще давно обнаружила, что все почему-то очень интересуются чужими проблемами. Неудивительно, что водители, как бы они ни спешили, непременно притормаживали, проезжая мимо места автокатастрофы. И кстати, именно поэтому она сама была столь успешной. «Когда-то была», – мысленно поправила она себя.

– Конечно могу, – ответила она Эмми. – Все равно ведь письма анонимные. Вот это, например, мне прислала женщина, которая застала своего сына-подростка за просмотром порнографии на айпаде. История непростая.

Айона улыбнулась Эмми так, как улыбаются *внимательные и мудрые профессионалы*. Она часто напоминала читателям, что девяносто процентов общения происходит на невербальном уровне. Поезд, простояв несколько минут в Нью-Малдене, двинулся дальше, отчего чай Айоны выплеснулся на блюдце.

Благослови боже того, кто изобрел блюдца. Никаких признаков Санджея, черт бы его побрал. Опять упустил возможность. Глупый парень.

– И что вы посоветуете этой женщине? – с неподдельным интересом спросила Эмми.

Какая очаровательная девушка. Понятно, почему Санджей так робел в ее присутствии.

– Я посоветую ей проверить у их провайдера все возможности родительского контроля. У меня есть очень полезная брошюра по проблемам безопасности в Интернете, которую я и пошлю этой женщине, – ответила Айона, весьма гордясь своим техническим ноу-хау. Многие ли *динозавры* разбирались в вопросах безопасного Интернета?

– Родительский контроль? – протянула Эмми, поглядев на нее, как на несмышленища. – Да нынешние мальчишки уже к десяти годам знают способы обойти его. И потом, *все* подростки смотрят порно. Он ведет себя как совершенно нормальный подросток. Согласны?

Айона насторожилась.

Возможно, Эмми совсем даже и не подходит Санджею. Есть в ней что-то от всезнайки. Никто не любит слишком умненьких.

– Дорогая, а что бы *вы* посоветовали этой матери? – Айона постаралась, чтобы в голосе у нее прозвучало любопытство, а не язвительность.

– Она могла бы увидеть в этом *возможность*, – ответила Эмми и с некоторой нервозностью посмотрела на собеседницу.

– Продолжайте, – попросила Айона. – Мне интересно.

Ей и в самом деле стало интересно. А вдруг с помощью Эмми она увидит все это в новой перспективе: «бурлящей» и «отвечающей духу третьего тысячелетия».

– Эта женщина могла бы поговорить с мальчиком о том, что порнография – это сплошной обман. Объяснить ему, что обычные женщины выглядят совсем не так, как героини пор-

нофильмов, и что сексуальные контакты в реальной жизни отличаются от того, что там показывают. Этим она бы очень помогла всем тем девушкам, которые впоследствии появятся у ее сына.

Надо признать, в рассуждениях Эмми был определенный смысл, но Айона не знала, как относиться к словам попутчицы. Услышанное и нравилось ей, и в то же время вызывало раздражение. Она сочла за благо не бороться ни с одним из этих чувств. И лишь сказала:

– А вы не находите, что у матери с сыном получился бы весьма непростой разговор?

– И что же в этом плохого? Мальчишке было бы неловко и даже страшно говорить о сексе с матерью. Возможно, это на какое-то время даже отбило бы у него желание смотреть порнофильмы!

– Знаете, а вы очень логично обосновали свою позицию. Не могу с вами не согласиться. Например, нынешние юноши даже не подозревают о существовании волос на лобке, ведь у порнозвезд волосы там всегда тщательно выбриты. И когда в реальной жизни они натываются на эту растительность, то испытывают отвращение. Ну почему женщины должны следовать дурацкой моде и подражать девочкам предпубертатного возраста? Лично я всегда предпочитала стиль семидесятых – стиль «естественной женщины». Кустистый лобок, который иногда требуется подстригать, чтобы растительность не становилась неуправляемой. Восхитительное зрелище, должна вам сказать.

Похоже, ее слова удивили Эмми и даже повергли девушку в легкий шок. Боже, не переборщила ли она со своим признанием? Нынешняя молодежь такая сублимная.

– Айона, а вы заметили, что окружающие слушают наш разговор? – перегнувшись через столик, шепотом спросила Эмми.

– Не говорите глупостей, дорогая. Люди поглощены своими газетами, копанием в айфонах и музыкой в наушниках. Им совсем не до нашей беседы.

– Так вы живете вблизи дворца Хэмптон-Корт? – вдруг поинтересовалась Эмми.

Вопрос, совершенно не связанный с темой их разговора, на некоторое время выбил Айону из колеи, вынудив сделать ментальный поворот на сто восемьдесят градусов.

– Да. Мы с Би почти тридцать лет назад купили дом в Ист-Моулси, почти на самом берегу реки. Мы тогда вернулись в Англию из Парижа и ужаснулись ценам на жилье в центре Лондона. Ист-Моулси показался нам идеальным компромиссным решением. Удобное железнодорожное сообщение с центром, рядом Темза, дворец и парк Буши.

Айона хотела скаламбурить что-нибудь насчет густой растительности в парках и бушах и таким образом протянуть ниточку к предыдущей теме их беседы, но Эмми заговорила снова, лишив ее такой возможности:

– Я всегда хотела побывать в Хэмптон-Корте. В школе меня просто завораживала история династии Тюдоров. Как вы думаете, призрак обезглавленной Анны Болейн до сих пор бродит там по коридорам?

– Вы ни разу не были во дворце? Вам обязательно нужно его посетить! – воскликнула Айона. – А какой там потрясающий лабиринт из живой изгороди. Я несколько лет постигала его премудрости, пока не научилась беспрепятственно проходить из конца в конец. Сколько удовольствия это доставляет. – У Айоны появилась блестящая идея. – Вот что, милая, я могу устроить вам экскурсию по дворцу и парку. Хотите? Почему бы нам не встретиться в это воскресенье, часов в десять утра? Вы свободны? – И она затаила дыхание, ожидая ответа.

– В это воскресенье?.. Я не уверена... – пробормотала Эмми.

Айона чувствовала: ее попутчица ищет причину для отказа, но ей не хотелось упускать такую возможность.

– Ну пожалуйста.

Со стороны могло показаться, будто она упрашивает Эмми. Отчасти да, так оно и было. Айона сознательно пошла на это, ибо иногда, как известно, цель оправдывает средства.

– Хорошо. В самом деле, почему бы и нет? Спасибо за приглашение. Тогда до воскресенья, если только мы снова не встретимся в поезде раньше.

Айона мысленно похвалила себя за напористость.

– Кстати, хотела показать вам кое-что. – Эмми достала из кармана мобильник и открыла снимок. Айона увидела девушку с причудливыми волосами. Ее лицо было скрыто под косметической маской ядовито-зеленого цвета. Девушка лежала в пузырящейся ванне и читала номер «Современной женщины». – Не ваш ли журнал читает Физз?

– Да. Как раз там я и работаю. Но кто такая Физз? И откуда столь странное имя? Оно хорошо подошло бы для шипучего напитка или бомбочки для ванной, но никак не для человека!

– Физз – настоящая сенсация TikTok, – сказала Эмми. – Меня познакомила с ней моя работа, и мы подружились. Вам стоило бы пригласить ее вести колонку в вашем журнале. Уверена, она бы с радостью согласилась. Если хотите, я у нее спрошу.

– Эмми, это очень любезно с вашей стороны. Посмотрим, что скажет наш главный редактор.

У Айоны не было ни малейшего желания говорить с Эдом. Она и так ходила по лезвию ножа, не хватало еще усугублять свое положение разговором о какой-то второсортной знаменитости из приложения, популярного среди детей и подростков.

Поезд подошел к платформе вокзала Ватерлоо. Эмми торопливо надела куртку, убрав мобильник в карман.

– До встречи в воскресенье! – сказала она и поспешила к выходу.

Айона улыбнулась своим мыслям. Потом неспешно собрала вещи, подхватила Лулу и тоже направилась к дверям. Кто-то взял ее за руку. Обернувшись, она увидела мужчину примерно ее возраста. Он с восторгом смотрел на Айону.

– Мне тоже очень нравится волосатый лобок, – сказал незнакомец. – Сейчас это большая редкость. – И выразительно подмигнул.

Только этого еще не хватало. Одним из преимуществ ее возраста, как считала Айона, было отсутствие приставаний. Повернувшись к наглецу, она наградила его улыбкой акулы, почувшавшей запах крови. И спросила:

– Вы, наверно, большой любитель женщин?

– Так оно и есть, – ответил мужчина. – Хотите продолжить знакомство? Я смотрю, вы заинтересовались.

– Да ничего подобного, – отрезала Айона. – Видите ли, я тоже обожаю женщин, и это, как мне думается... точнее, *я очень надеюсь*, – единственная наша общая черта.

Марта

Теперь Марта появлялась в школе на двадцать минут раньше. Это позволяло ей относительно спокойно пройти по школьным коридорам, пока те еще не наполнились учениками. С тех пор, как ее очень интимный снимок стал достоянием группового чата «Десятого класса», она постоянно находилась в состоянии «сражайся или беги».

Она нигде не чувствовала себя в безопасности. Даже благословенный покой школьной библиотеки нынче был нарушен и испоганен. Вчера Марта, поглощенная поиском книги, оставила в читальном зале свою папку. Позже, спохватившись, девочка вернулась в библиотеку. Папка оказалась на месте, но оттуда выпала распечатка *того самого снимка*, причем увеличенного. Кто-то нарисовал красным фломастером стрелку, указывающую на самое шокирующее место фотографии, и написал крупными буквами: «НЕ ПРАВДА ЛИ, УДОБНОЕ МЕСТЕЧКО ДЛЯ ХРАНЕНИЯ КНИГ?»

Марта подумывала о том, чтобы вообще перестать ходить в школу, навсегда испортив свою репутацию прилежно посещающей занятия ученицы. Но что бы она стала делать со всеми акрами свободного времени? Известно что: снова и снова ругала бы себя за непростительную глупость.

Марта не винила Фредди, хотя вся затея целиком принадлежала ему.

Ведь это он уговорил подружку прислать ему свое фото в обнаженном виде и с раздвинутыми ногами. Фредди уверял, что уже видел целую кучу влагалищ и это в порядке вещей. По его словам, так делали все девчонки, когда им нравился парень. А Марта усердно старалась быть как все.

Но оказалось, в подобных делах Фредди был таким же наивным несмышлеником, как и она сама. Получив снимок обнаженной Марты, он пришел в дикое возбуждение и на радостях, гордый своей «мужской победой», переслал снимок лучшему другу. Друг очень удивился. Надо же, тихий, прилежный Фредди, которого больше интересовали аккуратные строчки компьютерных программ, нежели девчонки, вдруг раздобыл картинку с голой цыпочкой. Он переслал снимок еще одному парню, а тот выложил фото в WhatsApp. Через десять минут, пожалев о содеянном, парень удалил снимок, но к тому времени картинку с голой Мартой уже успели многократно перепостить и разослать дальше. Между анонимностью и скандальной известностью прошло всего девять часов, а весь путь состоял лишь из четырех непродуманных шагов.

Фредди был ошеломлен, но, как говорится: «Что в Сеть попало, того уже не вернешь». Ему сразу расхотелось оставаться приятелем Марты, и он ретировался в безопасный компьютерный мир.

Родителям Марта не сказала ни слова. Они бы на нее накричали и, хуже того, стали бы обвинять друг друга. После развода их перепалки длились еще несколько лет, и ей меньше всего хотелось вновь раздувать огонь.

Немногочисленная группа ее друзей была шокирована случившимся. Ей говорили правильные слова, выражали поддержку и все такое. Но затем друзья начали постепенно отдаляться от Марты, словно ее глупость была заразной. Они «забывали» занять для нее место в столовой или сообщить, в какое время собрались встретиться после школы. Более того, у них развилась коллективная глухота, поскольку они уже не слышали, когда она окликала их в коридоре.

У Марты, естественно, была мысль обратиться к администрации школы, но для дурня Фредди это имело бы самые серьезные последствия, вплоть до исключения. И главное, все равно никакими мерами уже не загонишь джинна обратно в бутылку. Узнав о случившемся, школьная администрация устроила бы отвратительное общее собрание, посвященное сохранности личных данных и безопасности в Интернете. История Марты стала бы показательным

примером, а она сама – образцом идиотизма. Эти «воспитательные меры» только раздули бы происшествие, придав ему дополнительный импульс. Взрослые наложили бы запрет на снимок, потребовав, чтобы каждый из учеников удалил его у себя. Но ведь всем известно, что нынче просто технически невозможно полностью удалить что-либо. А привлекательнее снимка голой девчонки может быть только *запрещенный* снимок голой девчонки.

Марта подошла к шкафчикам десятиклассников и вдруг остановилась как вкопанная. Поверх шкафчиков висел самодельный баннер, изготовленный из куска старой простыни, с крупной надписью «ХВАТИТ СТЫДИТЬСЯ ШЛЮХ!»

У Марты вспыхнули щеки. Она знала, чьих рук это дело. Она стала настоящей знаменитостью у группки девчонок, выступавших против современного сексизма и женоненавистничества. Они всего лишь пытались ее поддержать, но неужели эти девицы не понимали, что их баннер, изготовленный с самыми добрыми намерениями, клеймил ее шлюхой? Какая ирония: среди десятиклассников она и Фредди были единственными девственницами. Нет, эти юные феминистки не набивались ей в подруги. Они мнили себя ее защитницами, и от их удушающей заботы Марта чувствовала себя еще слабее и никчемнее. Еще в большей степени мишенью.

Коридор постепенно заполнялся. К шкафчикам шли несколько школьных знаменитостей. В ее голове снова зазвучал голос Дэвида Аттенборо: «Взгляните на стаю... нет, на „тявкающее сообщество“ гиен. Они почуяли запах раненого детеныша антилопы. Ему не поспеть за убегающим стадом, и гиены, зная, что сородичи не придут ему на помощь, смыкают кольцо, готовясь его убить».

Марта протянула руку, сдернула баннер, скомкала его и запихнула в свой шкафчик. Там он и останется, словно злокачественная опухоль, которую затем удалят. Марта вошла в пустой кабинет географии. Сейчас здесь было относительно безопасно. Этот дурацкий снимок она сделала только потому, что отчаянно хотела быть как все. А в результате оказалась еще в большей изоляции, чем прежде.

Подойдя к учительскому столу, она пальцем раскрутила стоящий там глобус. Земля была крошечной песчинкой в просторах Вселенной. Палец Марты закрывал почти всю Великобританию, за исключением Корнуолла, Северного Норфолка и Внешних Гебридов. Какой маленький остров. А она – одна из миллионов крошечных человечков, населяющих его. Так почему же ей кажется, будто все сосредоточились на ней? Марте до боли захотелось вернуться в комфортное состояние анонимности. Только сейчас она по-настоящему оценила, каким благом это было. Теперь она уже больше не думала о популярности и даже о том, чтобы ее принимали как свою. Слишком поздно для подобных мечтаний. Ей хотелось стать невидимкой.

Марта уселась за парту, наслаждаясь, пока не прозвенит звонок, последними минутами уединения.

Стук в окно, возле которого она сидела, заставил девушку подпрыгнуть. Стук повторился еще пару раз. С внешней стороны окна, выходявшего на игровую площадку, к стеклу были прижаты экраны трех мобильных. На каждом – одинаковая картинка. Шесть широко разведенных ног. Тройное напоминание о ее унижении.

И когда только все это прекратится?

Пирс

18:17. Ватерлоо – Сербитон

Глядя перед собой, Пирс быстро шел по платформе № 5, пока не добрался до третьего вагона. В прошлый раз эта женщина пробила дырочку в его объемистой банке с червями. Он знал: сделай она отверстие пошире, и оттуда попрут столько всего, что ему будет уже не загнать это обратно.

Пирс прошел в самый конец относительно свободного вагона и сел у столика на четверых. Устроившись, он достал из нагрудного кармана записную книжку в потертом кожаном переплете. Каждый день Пирс карандашом заносил туда цифры. То был один из главных его ритуалов. Старая школа. Ритуалы были важны, они служили сигналами богам рынка, напоминая им, что Пирс – человек серьезный и не потерпит несерьезного к себе отношения. Существовали и другие ритуалы. Например, перед заключением важной сделки он щелкал пальцами, а потом стигал их. Помнится, в былые времена в операционном зале биржи слышались возгласы и восклицания. Некоторые даже скандировали: «Мидас! Мидас! Мидас!» Все это осталось в прошлом.

Когда Пирс сравнил цифры в нижней части сегодняшней страницы со вчерашними, ему стало худо. Он опустил еще на пятнадцать процентов. Как такое могло случиться? Но потом краешком глаза он увидел мелькнувшую одежду экстравагантного цвета, и ему стало еще хуже. Казалось, его сердце несло прямо в пропасть. Неужели эта дамочка вздумала его преследовать?

– Пирс! – воскликнула она, и все его надежды, что она забрела в этот вагон по другой причине, рассеялись. – Я заметила вас, когда вы проходили мимо, и сперва подумала, что мне показалось. Значит, не показалось. Раз уж мы с вами начали общаться, мне не терпится задать вам один вопрос.

Боже, только ее еще не хватало. Пирс промолчал, не желая давать повод для расспросов. Тем не менее Айона уселась напротив, усадив на соседнее сиденье свою собачонку.

– Я хочу услышать все подробности о роковой виноградине, – сказала она. – Что вы чувствовали, оказавшись в предсмертном состоянии? Появилось ли у вас ощущение, что вы вышли из тела и наблюдаете за собой с потолка? А может, у вас перед глазами стремительно пронеслась вся ваша жизнь?

Пирс ерзал на сиденье. Он чувствовал себя пленником, которому учинили допрос. Особенно неприятным было ощущение, что все пассажиры, сидевшие вокруг, слушали этот их разговор.

– Нет, ничего такого со мной происходило, – ответил он. – Было примерно то же, что испытываешь, когда тонешь. В основном я думал о том, что моим детям придется расти без отца.

Он опять врал. Ему *полагалось бы* думать об этом, но он не собирался рассказывать правду в вагоне, полном любопытных ушей.

– Мелькнуло ли у вас желание сделать что-то хорошее? Например, отдать все свои деньги на благотворительные нужды? – допытывалась Айона.

Пирс покачал головой и почувствовал, что покраснел, вспомнив клятву, торопливо принесенную Вселенной. Но ведь эта клятва не считалась? Она была вырвана у него под пыткой и, следовательно, аннулировалась условиями Женевской конвенции.

И как только этой женщине удавалось видеть содержимое его черепной коробки? Хорошо еще, что она, кажется, забыла, о чем они беседовали на прошлой неделе.

– В то утро вы, что называется, посмотрели смерти в лицо. Уж не это ли заставило вас понять, насколько вам ненавистна ваша работа? Вам знакомо состояние, когда спрашиваешь себя: «Ради чего все это? Зачем я понапрасну растратил свою жизнь?»

Вот так, ничего-то, выходит, она не забыла. Пирс взглянул на часы, желая знать, как долго ему еще предстоит выдерживать этот допрос. Восемнадцать минут.

– Это случилось совсем не в поезде, – сказал он. – Осознание правды происходило для меня постепенно, год за годом.

– Но вы же говорили, что когда-то любили свою работу. Что именно вам в ней нравилось поначалу?

Глаза Айоны так и буравили собеседника, вынуждая его залезть в картотеку прошлого, которую он всегда держал закрытой, и начать рыться там в поисках ответов.

– Цифры, – наконец ответил он. – Вот за что я полюбил эту работу. Мне всегда нравилось играть с цифрами.

Может, не стоит углубляться в подробности? Пирс ждал, что Айона задаст новый вопрос и как-то продолжит разговор. Но она молча смотрела на него, пока он не заговорил снова.

– Видите ли, мое детство было весьма... хаотичным.

– Хаотичным? – оживилась Айона, подаваясь вперед. – А что конкретно вы имеете в виду?

– Наверное, обстоятельства моей тогдашней жизни. Безработный, часто отсутствующий отец, который спускал свое пособие на скачках. Мать-алкоголичка. Думаю, можно обойтись без подробностей, вам и так понятно. А потом я открыл для себя математику. Мир, где все было таким... упорядоченным, неизменным, управляемым и четким. Прямая противоположность всем прочим сторонам моей жизни. Оказалось, что у меня неплохие математические способности.

– И математика помогла вам вырваться из безрадостного детства? – спросила Айона.

– Да. Точнее, мистер Ланнон, мой школьный учитель математики. Он заметил меня и включил в специальную программу для одаренных детей. Это открыло мне множество дверей. Дополнительные занятия, участия в олимпиадах, поездки по всей стране. Потом, когда подошло время поступать в университет, он помог мне подать заявление и готовил меня к собеседованиям. Я стал первым в семье, кто поступил в университет, и первым выпускником нашей школы, изучавшим математику в Оксфорде. Всем, чего я достиг, я обязан мистеру Ланнону.

От этих слов Пирсу вдруг сделалось очень грустно. На него нахлынуло чувство вины. Когда он в последний раз общался с мистером Ланноном? Жив ли его старый учитель? Он когда-нибудь по-настоящему благодарил старика? Да или нет?

Не иначе, как взбаламученные эмоции подвигли Пирса еще на одно признание: он сказал Айоне то, о чем пока еще не знала ни одна живая душа, кроме него самого. По ночам, когда донимала бессонница, он извлекал эту мысль и крутил ее, как крутят в руках хрустальный шарик.

– Я скажу вам, кем бы хотел быть в идеальном мире. Учителем. Я бы хотел не ворочать деньгами, не накапливать, а что-то отдавать. Менять чьи-то жизни, как мистер Ланнон изменил мою. Чтобы, как говорится, все вернулось на круги своя.

Айона откинулась на спинку сиденья и искренне улыбнулась Пирсу, словно бы после подобного признания он вызывал у нее чуточку больше симпатии или чуточку меньше антипатии. Эта мысль повысила ему настроение. Странно. Вообще-то, до сих пор ему было равным счетом наплевать, что думает о нем какая-то там Айона.

– Вы снова меня удивили, – призналась она. – Считайте, что вам повезло, поскольку я, скорее всего, сумею вам помочь.

– Айона, а почему вам вдруг захотелось мне помочь? – спросил Пирс.

Вопрос был задан без тени агрессивности, поскольку его это всерьез заинтересовало. Пирс тщетно пытался вспомнить, когда он в последний раз сам хотел помочь кому-то, кто никак не был связан с ним и не оказывал непосредственного влияния на его карьеру и благополучие.

– А много ли смысла в том, чтобы сперва спасти вашу жизнь, но затем, узнав, что нынешняя работа тяготит вас, не постараться сделать так, чтобы вы жили на полную катушку? – вопросом на вопрос ответила Айона. – Как бы то ни было, а помощь людям – это мой *raison d'être*⁵. Или, в вашем случае, если вспомнить ту злополучную виноградину, – *raisin*⁶ *d'être*, – скаламбурила она. – Надеюсь, я понятно объяснила?

– Это очень любезно с вашей стороны, но, увы, не имеет смысла. Мир, в котором мы живем, не идеален. Помимо всего прочего, жена приняла бы в штыки мою идею стать учителем, – сказал Пирс и встал, ибо поезд наконец-то подъехал к станции Сербитон.

– А вы хотя бы поговорите с ней! – крикнула ему вслед Айона, когда Пирс уже шел к дверям. – Уверена, она искренне хочет, чтобы ее муж был счастлив!

– Минти, ты еще не спишь? – шепотом спросил Пирс.

В тусклом свете ночника было видно, как одеяло девочки сдвинулось и оттуда высунулась пухлая ручка: пальчики раскрылись, как лучики у потревоженной морской звезды.

– Папуля! Ты уже дома! – пискнула дочка.

– Да, моя принцесса. Как у тебя прошел день в школе? – спросил он, целуя теплую щеку Минти, от которой пахло шампунем «Джонсонс бэби» и зубной пастой с ароматом клубники.

– Круто. У нас была встреча. К нам приходил папа Авы и рассказывал о своей работе.

– И кем же работает ее папа? – поинтересовался Пирс.

– Он ветеринар. Доктор, который лечит больных зверей. Он работает в Лондонском зоопарке. И еще он принес с собой суриката. Настоящего живого суриката! Это было ну очень круто.

«Настоящего живого суриката? Невероятно! Мог ли кто-то из родителей соперничать с отцом этой Авы?»

– Папа, а ты можешь тоже выступить на встрече?

– Конечно могу, моя шалуня, – ответил Пирс, снова укрывая дочь. – Я могу рассказать твоим друзьям об инвестиционной деятельности банков. О том, как мы зарабатываем кучу денег, угадывая, какие акции и ценные бумаги повысятся в цене, а какие – понизятся.

Минти нахмурилась. Чувствовалось, что отцовские слова ее совершенно не впечатлили. И кто посмел бы упрекнуть за это малышку?

– Знаешь, я нашла потрясающую новую гувернантку, – сообщила Кандида, прежде чем положить в рот новую порцию ризотто «Примавера», купленного в супермаркете сети «Маркс и Спенсер».

Кандида училась в привилегированной женской школе, а потому никогда не говорила с полным ртом, не водружала локти на стол и всегда пользовалась глаженными льняными салфетками.

– Да ну? – отозвался Пирс. – Не может быть.

– Представь себе. Довольно с меня гувернанток, которые только-только окончили школу и еще не избавились от своих подростковых страхов и прочих заморочек. Помнишь датчанку, которая среди ночи атаковала холодильник и съедала все, что там находила? А ту румынку,

⁵ Смысл существования (*фр.*).

⁶ Виноград (*фр.*).

которой снились кошмары, и она кричала во все горло на своем языке, пугая детей? Я уж не говорю про Магду с ее невысокой моралью и пристрастием к наркотикам.

Кандида передернула плечами. Спасибо, что не припомнила еще и голландскую девицу. Наверное, тот маленький досадный эпизод наконец-то замели под ковер.

– На этот раз мы получим профессионально подготовленную, опытную гувернантку, – продолжала Кандида. – Ее зовут Фиона, а выглядит она совсем как миссис Даутфайр из американской комедии. Только вообрази: Фиона долгое время работала у троюродной сестры самой Софи Уэссекской. – Поскольку в лице Пирса ничего не изменилось, Кандида сочла необходимым пояснить: – Это жена принца Эдварда. Такая миленькая серая мышка. Я всегда говорю: «Если сомневаешься, швырни в проблему деньгами». Это ты меня научил, – добавила Кандида, обворожительно улынувшись мужу.

Неужели он действительно так говорил? Скорее всего, да. Какая самоуверенная и глупая фраза. Интересно, сколько денег Кандида «швырнула в проблему»?

– Дорогая, – осторожно начал Пирс, – а ты не задумывалась о том, чтобы самой заняться воспитанием детей? Они уже вышли из младенческого возраста. Минти ходит в школу. На будущий год и Тео тоже пойдет.

Вопрос мужа ужаснул Кандиду.

– Но, Пирс, что будет с моей *работой*? – спросила она. – Я же не домохозяйка из середины прошлого века, чтобы весь день ходить в фартуке, увлеченно печь пироги и дожидаться твоего возвращения из Сити, приготовив тапочки и джин с тоником.

Пирс, считавший себя прогрессивно мыслящим, быть может, и купился бы на этот довод, если бы Кандида действительно хоть что-то зарабатывала. Однако ее так называемая работа сжирала изрядные суммы денег. Она открыла дизайнерский бутик на одной из центральных улиц, где арендная плата достигала астрономических сумм. Иногда она продавала платье кому-то из своих подруг, по-своему занижая цену. Немалая доля товара, предназначенного к продаже, оседала в ее домашнем гардеробе. При этом Кандида наняла продавщицу, поскольку не могла проводить в магазине весь день. Затеявая этот разговор, Пирс чувствовал: сражение ему не выиграть.

Он смотрел, как жена допивает вино. По собственному многолетнему опыту Пирс знал: лучше всего начинать трудный разговор после того, как она выпьет две рюмки. После двух рюмок Кандида расслаблялась и становилась достаточно благодушной. Но стоило ей выпить третью, и благодушие сменялось воинственностью и склонностью к спорам.

– Кандида, – произнес он, ступая на тоненькую кромку льда. – А как бы ты отнеслась к моей задумке пройти переподготовку и начать преподавать в школе математику? Что бы ты на это сказала?

Кандида засмеялась. Десять лет назад этот потрясающий, безудержный смех магнитом притянул его к ней. Это было на балу в клубе «Херлинге», где они и познакомились.

– Я бы ответила: если бы мне хотелось быть супругой учителя, я бы с самого начала вышла замуж за учителя! Только представь себе! Я – жена школьного учителя! Я, которую журнал «Татлер» называл самой завидной невестой!

Кандида умолкла, вглядываясь в лицо мужа.

– Надеюсь, ты просто пошутил? – спросила она. – Тебе всего тридцать восемь. Не рано ли для кризиса среднего возраста? Купи себе какой-нибудь навороченный спорткар или что-нибудь в этом роде! Постой, вроде как это ты уже делал!

Кандида улыбнулась, сверкнув аккуратными мелкими зубами, стоившими, как автомобиль среднего класса. Пирс знал: это фарфоровое совершенство насажено на ее настоящие зубы, которые пришлось обточить, превратив в остренькие кинжальчики. Внешняя красота и то, что внутри. Черт побери, это тянуло на метафору.

– Тогда купи «харлей-дэвидсон». Погоняешь на мотоцикле. Я даже готова закрыть глаза на недолгую интрижку с секретаршей, если она немногим моложе меня и если ты обещаешь не влюбляться в нее.

Пирс молчал.

– Я пошутила, – сказала Кандида. – Надеюсь, ты понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.